

Елизавета Дворецкая
КОРНИ ГОР
Книга вторая. Битва чудовищ

Корабль во фьорде

Елизавета Дворецкая

**Корни гор. Книга
2. Битва чудовищ**

«Автор»

1998

Дворецкая Е. А.

Корни гор. Книга 2. Битва чудовищ / Е. А. Дворецкая —
«Автор», 1998 — (Корабль во фьорде)

В Медном Лесу правит ведьма Хёрдис, самовластно распоряжаясь судьбами его обитателей. Ни ее соплеменники-квиты, ни захватчики-фьялли, собирающие с них дань, не знают заранее, на чью сторону она встанет. Ведьма Медного Леса внушает ужас, и никому неизвестно, что сама она – пленница великана Свальнира, истинного средоточия сил этой загадочной страны. Сильнейшая ее мечта – уйти отсюда, вновь вернуться к людям, пока холодное дыхание камней не превратило в камень ее саму. Но помочь ей может один-единственный человек: конунг фьяллей Торбранд. Тот, вражда с которым и вынудила Хёрдис уйти от людей, стать и владычицей, и пленницей Медного Леса. И настанет день, самый тяжелый день в жизни их обоих, когда они, Торбранд и Хёрдис, отец и мать этой войны, окажутся лицом к лицу в глубинах Медного Леса, чтобы предложить друг другу последнее, что у них осталось – золотое обручье Дракон судьбы в обмен на меч Дракон Битвы...

© Дворецкая Е. А., 1998

© Автор, 1998

Содержание

Краткое изложение предшествующих событий	5
Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Елизавета Дворецкая

Корни гор. Книга вторая. Битва Чудовищ

Краткое изложение предшествующих событий

Гельд по прозвищу Подкидыш, молодой удачливый торговец, оказался на Остром мысу одновременно с фьялленландским ярлом Асвальдом Сутулым, собирающим с квиттов дань. Вместе с ним Гельд побывал в Медном Лесу и там виделся с ведьмой Хёрдис. Возвращаясь домой, Асвальд взял с собой Гельда и еще Борглинду, молодую девушку из рода Лейрингов. Фьялленландская знать считает, что Торбранд конунг должен взять ее в жены, чтобы их дети владели Квиттингом по праву наследования.

До этого невестой Торбранда конунга считалась Эренгерда дочь Кольбейна, первая красавица Аскефьорда, но теперь она знакомится с Гельдом. Она не спешила отвечать на чувства столь незнатного человека, как Гельд, но согласилась на свидание. Свидетелем их встречи случайно оказался Орм по прозвищу Великан, и в ссоре Гельд убил его. Чтобы искупить вину, Торбранд конунг предложил Гельду отправиться в Медный Лес и раздобыть там железа, так необходимого фьяллям для ведения их долгой войны за Квиттинг.

В Медном Лесу Гельд приехал в усадьбу Нагорье, где живет Далла, вдова последнего квиттинского конунга Стюрмира. Ей служит Кар, злобный и бездарный колдун, которому колдовство удастся только при помощи чудесного огнива, когда-то принадлежавшего ведьме Хёрдис, но оказавшегося у Даллы.

А Хёрдис жаждет вернуть свой амулет и посылает в Нагорье своего помощника, волка-оборотня по имени Жадный...

Глава 1

Однажды утром хозяйку Нагорья вызвали во двор.

– Там пришел какой-то бродяга, – доложила служанка. – Просит поговорить с хозяйкой. Говорит, работы хочет...

– Работы? – Далла подняла тонкие брови. – Какой работы? Сейчас не весна, мне работы не нужны. Пусть Кар посмотрит.

– Он просит хозяйку. Говорит, на всякую работу согласен.

– Ну, хорошо. – Далла поднялась с места и сделала знак подать ей накидку. – Посмотрим, что там за чучело явилось... Такая скука!

Она жалобно посмотрела на Гельда. Он радостно улыбнулся в ответ. С той памятной ночи гадания он почти не отходил от хозяйки, и даже вечером ей стоило больших трудов прогнать его в гостевой дом: он просил позволения лечь на пол возле ее лежанки и охранять от дурных снов. Гельд не упускал случая сесть поближе к ней, прикоснуться к ее руке, осыпал ее похвалами. Все это делалось весело и как бы шутя, так что даже самая надменная вдова не смогла бы упрекнуть его в неучтивости или дерзости. Это было похоже на игру, и Далла, так долго прожившая в глуши, отдавалась этой игре с детским увлечением и женским пылом.

Вот и сейчас Гельд стремительно вскочил, выхватил из рук Фрегны накидку и сам подал ее хозяйке.

– Позволь, я поправлю, – тихо шепнул он, когда Далла натянула накидку.

Его руки скользнули по ее плечам, как бы оправляя мех; Далла сделала большие глаза, будто дивясь его смелости, и отошла, но только когда он уже убрал руки. Служанки с мучительным усилием старались сохранить невозмутимые лица, но кривились и фыркали в рукава, едва лишь хозяйка отворачивалась.

Конечно, Гельд увязался за Даллой во двор. Перед дверями хозяйского дома стоял бродяга – рослый, сильный по виду мужчина средних лет, с грубоватым лицом и жесткими темными волосами, с густой щетиной на щеках и подбородке. Одет он был в простую грубую рубаху, кожаные штаны и накидку из волчьего меха. За спиной у него висел тощий мешок, а в руках он держал здоровенную толстую палку, служившую, как видно, посохом.

– Ну, что тебе надо? – спросила Далла, окинув его небрежным взглядом. – Кто ты такой?

– Ты – хозяйка? – низким, медленным голосом отозвался бродяга. Его зеленоватые глаза внимательно осмотрели нарядную Даллу и мельком зацепили Гельда возле нее.

– Я, разумеется. Другой хозяйки тут не бывало. Чего тебе нужно?

– Меня звать Ульв сын Ульва. Я оттуда. – Бродяга показал концом своего посоха на север. – Ищу какой работы. Может, тебе пастух нужен? Я со скотиной хорошо управляюсь.

Из своей каморки вышел Кар и остановился поодаль, разглядывая пришельца. Держась за пояс, он недовольно хмурился, заранее готовясь отказать.

– Пастух мне нужен! – несколько живее отозвалась Далла. – Только у нас пасти скотину не так легко. У нас тут много волков и еще троллей.

Ульв сын Ульва насмешливо хмыкнул, в темной бороде блеснули отличные белые зубы.

– Вот уж чем меня не напугать. Дайте мне любого тролля, я его живо... – Он показал верхний конец своей палки, куда был врезан черный железный шар, и сделал несколько быстрых ловких движений. Было видно, что он отлично умеет драться с помощью этой палки, не хуже, чем иной знатный ярл мечом. – А уж с волками я... Мои тезки меня слушаются.¹ Я знаю волчи заклятья. Хочешь послушать?

– Нет, нет! – Далла махнула рукой.

¹ Очень распространенное имя Ульв означает «волк».

Она не знала, на что решиться. Ульв сын Ульва говорил неловко, как человек, больше привыкший жить один, но в то же время не выглядел тупым. Его спокойствие дышало уверенной и диковатой силой. Впечатление от него было двойственное: он казался человеком вполне надежным и притом внушал смутную тревогу.

– Что-то мне не нравится это парень, – серьезно шепнул Далле Гельд. Он не сводил глаз с Ульва и готов был поклясться, что при этих словах ухо у того дрогнуло. – Какой-то он странный.

– Послушай, а ты не беглый раб? – строго спросила Далла.

– Нет, – уверенно ответил Ульв. – Была у меня, правда, хозяйка, так она меня сама отпустила, и проводила, и одежды дала, и припаса на дорогу. – Он тряхнул плечом, за которым висел дорожный мешок. – Клянусь башмаком Видара!

– А ты не объявлен ли где-нибудь вне закона? – спросил Гельд. – Вид у тебя решительный, и я не удивлюсь, если ты своей палкой умеешь бить не только волков.

– Я вне закона. – Ульв посмотрел на него, и Гельду стало не по себе.

В зеленоватых глазах не было неприязни и угрозы, но было что-то настолько чуждое, что Гельд невольно поднял руку и коснулся груди, там, где прятался его надежный щит – руна «торн».

– Мы не можем платить тебе много, – подал голос Кар. – Еда, одежда. Если всех овец убережешь, десять пеннингов весной...

Ульв махнул рукой:

– Какие-такие пеннинги? Не знаю я никаких пеннингов. Если овец уберегу, одна овца весной моя. Идет?

– Ты думаешь его взять? – Гельд бросил на Даллу предостерегающий взгляд. – Ты очень смелая женщина. Не всякий решится. Я бы на свой корабль такого удалыца не взял, даже если бы мне самому пришлось сидеть на весле от зари до зари.

– Нам нужен хороший пастух, – нерешительно пробормотала Далла. – А он – как зверь, корми его, и он будет служить. Надежные люди так редко встречаются... Мы только за месяц потеряли четырех овец. Если так будет дальше, к весне останемся нищими...

– Я думаю, это человек подходящий, – весомо произнес Кар и метнул враждебный взгляд на Гельда. – Если кто любит сидеть у очага с женщинами и болтать языком, ему можно привередничать. А если кто должен отвечать за хозяйство, то приходится выбирать людей, которые способны делать дело. Я думаю, этого человека стоит нанять.

Гельд пожал плечами и сделал шаг назад: дескать, вы хозяева, вам и решать. Кар напрасно опасался, что барландец собирается вытеснить его из усадьбы и стать управителем Нагорья. Еще не прошло и месяца с тех пор, как Гельд сюда прибыл, а он уже с нетерпением мечтал о весне, которая освободит его из «долины свартальвов». Ему было здесь тревожно и тоскливо.

Далла бросила взгляд на Гельда, убедилась, что он больше не возражает, и повернулась к Ульву.

– Хорошо, я тебя нанимаю, – милостиво произнесла она. – У нас овцы сейчас на горном пастбище. Я хочу, чтобы ты попытал счастья на Горбатой горе – там овец пропадает больше всего. Кар выделит тебе отдельное стадо. Проводите его кто-нибудь и соберите еды. – Она махнула рукой челяди.

Кар увел нового пастуха в кладовку, чтобы дать ему пару одеял и еще кое-какую мелкую утварь, нужную для жизни на пастбище. Один из работников в тот же день отвел Ульва на пастбище, и до вечера все умы и языки были заняты новым пастухом. Длинными зимними вечерами обитатели Нагорья, как и все прочие, очень любили послушать страшные саги, и, как нарочно, очень во многих из них говорилось о пастухах.

– Возле одной усадьбы завелась какая-то нечисть, и сколько хозяин ни нанимал пастухов, ни один из них не доживал до конца срока – все пропадали, – рассказывал один из работников,

старый Строк. – И вот однажды явился к хозяину один человек и назвался Гестом. Хозяин спросил, какая работа ему больше всего подходит, а он ответил, что хочет пасти овец. Хозяин ему говорит: «У нас тут завелась нечисть, и не хотел бы я, чтобы с тобой случилось то же, что и с другими». Но Гест ответил, что ничего не боится. И вот пас он овец, а ночью на самую Середину Зимы было очень холодно и шел сильный снег....

Далла сидела на лежанке, а Гельд пристроился на ступеньке спального помоста, касаясь плечом ее колен. Хозяйка вначале ковыряла иглой какое-то шитье, потом незаметно уронила руку на плечо Гельда, и он тут же накрыл ее своей. Уже совсем хорошо. Но только она ведь хитра не меньше. Любовь любовью, а железо под замком. Да возьмут его тролли!

– ... И вот пошли люди его искать и искали долго, а нигде его не было. И только уже на самом краю долины нашли одно место: оно все было изрыто и истоптано огромными следами, и там же виднелись большие пятна крови. Тогда один человек сказал: «Должно быть, это великанша из Темной долины. Каждые сто лет у нее рождается ребенок, а великаньих детей выкармливают человеческим мясом. Должно быть, она и губит всех наших пастухов...»

– Слушайте! – Одна из женщин, сидевшая ближе к дверям, вдруг подняла руку вместе с веретеном.

Рассказчик мигом замолчал, все стали прислушиваться. Издалека, приглушенный стенами, доносился тоненький, как ниточка, далекий волчий вой.

– Это в горах, – определил Вадмель, один из молодых работников. – Сдается мне, это там, где наш новый пастух. На Горбатой горе.

– Сдается мне, что завтра там найдут изрытую землю и пятна крови, – хихикнула женщина. – А нового пастуха мы больше не увидим.

– А мне сдается, что это воет он сам! – возразил другой работник, Лодден. – По нему видно, что он сам знает с нечистью. Не зря же он сказал, что знает волчьи заклинания.

– Так он их отгоняет или приманивает? – беспокойно спросила Далла.

Челядь переглядывалась и разводила руками.

– Завтра же съездите кто-нибудь... Нет, я сама поеду на пастбище, – решила хозяйка. – Надо посмотреть.

Наутро оказалось, что ночью выпал снег, но поездке он не помешал, потому что глубина его не превышала и ладони. Под белым покрывалом «долина свартальвов» показалась Гельду еще более унылой, чем раньше. Снег спрятал все разнообразие, которым она могла похвалиться: бурый и желтый камень, черную землю и рыжие комки руды, палые листья и зелень мха, сизые кустики лишайника. Теперь везде был только снег, да сухие стебли вереска упрямо торчали над белым пухом.

Гельд ехал рядом с Даллой, позади них не спеша трусили лошадки трех работников: того старика, что рассказывал про великаншу, Вадмеля и Лоддена. Хозяйка взяла их с собой для надежности: странноватый вид Ульва, сага про нечисть и волчий вой напугали ее, хотя она и не хотела в этом признаться. А Гельд ничего не боялся, кроме того, что весна так никогда и не придет. При виде белой равнины ему казалось, что он прожил тут уже много лет, а сам того не заметил: так всегда бывает в сказаниях. Человек проводит у альвов или троллей один день, а на его родине проходит сто лет. Вот приедет он обратно в Аскефьорд, а Торбранд, Асвальд и остальные давно умерли... И какие-нибудь юные красавицы расскажут ему об Эренгерде как о своей прапрабабушке. Только тролль из Дымной горы останется на месте, но к троллям Гельда сейчас не тянуло. И здесь хватает.

Ему отчаянно хотелось домой, к Альву Попрыгуну, хотелось в Аскефьорд к Эренгерде, хотелось даже на побережье, в Речной Туман – куда угодно, только бы к живым людям и подальше от повелительницы свартальвов. Чем дальше, тем труднее ему было изображать пылкую страсть к Далле – уж очень она была непохожа на женщину, которую он любил на самом деле. Но и не будь на свете Эренгерды, никогда бы ему не понравилась Далла: скрытная, тщ-

славная, упрямая, завистливая, себялюбивая и коварная, даже будь она прекрасна, как Брюнхильд и Гудрун вместе взятые. Женщина, достойная любви, должна быть доброй, открытой, приветливой... а если она знатна родом и горда, то гордость отнюдь не помеха доброте. Он знал такую женщину. Эренгерда ждет его, и если он справится с поручением Торбранда, то...

И Гельд снова поворачивался к Далле, значительно улыбался ей и прижимал руку к сердцу – к тому месту, где она когда-то начертила руну любовного огня. Успех его похода, а значит, счастье с Эренгердой, зависят от того, насколько он сумеет ей понравиться.

Когда впереди показались Горбатая гора и пастбище, отведенное Ульву, Далла изумленно обернулась к Гельду.

– Посмотри! – воскликнула она. – Мне не мерещится?

– А что такое? – Гельд посмотрел вперед. – Это оно? Вон то, зеленое? Это ведь Горбатая гора, да?

– В том-то и дело... Ну, да! Оно зеленое! Ты посмотри – везде снег, а там нет!

В самом деле: склон горы, к которой приближалась хозяйка со своими людьми, был почти свободен от снега. На зеленой траве были хорошо заметны бело-серые катышки пасущихся овец.

– А я думал, здесь всегда так, – сказал Гельд. Он помнил, что находится в Медном Лесу, и ничему не удивлялся.

– Как такое может быть всегда? Уж если снег идет, он засыпает все!

Домик пастуха стоял в самом низу склона, и вскоре Ульв уже шел им навстречу. Опираясь на палку, закутанный в серый плащ из грубой шерсти с капюшоном, он выглядел уверенно и прямо-таки сливался с зимним пастбищем, как дух.

– Привет тебе, хозяйка! – крикнул он еще издалека и взмахнул над головой своей грозной палкой. – Ты уж приехала меня проведать?

– Да, хочу узнать, как ты справляешься. – Далла милостиво кивнула. – Не было ли ночью волков? Целы овцы? И почему тут нет снега?

– Овцы целы, волков я отогнал и снег тоже, – спокойно ответил Ульв.

– Как – отогнал снег? Что ты несешь?

– Я снежное заклятье знаю – скажу, и весь снег по сторонам разнесет, у меня не будет, – так же спокойно ответил Ульв. – Вон, посмотри.

Далла проехала на пастбище. Все овцы были целы: она пересчитала их три раза и получила одинаковое число. Гельд усмехался, покачивая головой, будто не знал, что об этом подумать. Его забавлял вид озадаченной Даллы. Она не умела хвалить за хорошую работу, а бранить было не за что.

Трое работников хмуро переглядывались и бросали на Ульва неприязненные взгляды.

– Видите, бездельники! – Хозяйка наконец нашла выход из положения. – Вот как надо работать! Вот таких людей надо держать в усадьбе! Человек знает и снежное заклятье, и волчье заклятье! А ты, Вадмель, знаешь хоть одно слово, кроме «дайте поесть» и «пошел ты на...»? Молчишь? Теперь и эти-то позабыл! Смотри у меня!

Дав таким образом выход своим чувствам, Далла благосклонно кивнула Ульву и поехала дальше, осмотреть заодно и соседнее пастбище. Отъезжая, они слышали, как Ульв громко и грубо орет, собирая овец. Кар вчера предлагал ему взять собаку, но он ответил, что собака ему без надобности, только помешает. И верно: овцы повиновались его крикам и сбивались в кучу, как будто вокруг них с лаем носилась свирепая собака и кусала непослушных за ноги.

На заднем склоне горы, где раскинулось другое пастбище, Даллу ждали не такие утешительные вести. Трое здешних пастухов вышли ей навстречу, уныло понутив головы и всем видом изображая раскаяние.

– Опять! – гневно и горестно воскликнула Далла еще до того, как хоть один посмел поднять голову и раскрыть рот. – Что вы опять натворили, бездельники! Негодяи! Свинячьи дети! Что случилось! Опять тролль?

– Нет, это... Волк. – Один из пастухов кивнул на избушку, под стеной которой лежало что-то очень бесформенное, бело-красное, смерзшееся. В глаза бросались располосованные и окровавленные клочья овечьей шкуры с набитым в шерсть снегом. – Нашли утром у самого гребня... Ночью волки выли... Верно, зарезали...

– А вы где были? – гневно набросилась на них Далла. – Дрыхли у себя в избе? Болтали языками? Вы же слышали, что воют волки, должны были не спать, а беречь овец! Зажечь огонь, отогнать волков прочь! За что я вас кормлю, чтобы терять овец? Мерзавцы!

Далла потрясала плетью, и казалось чудом милосердия, что она не пускает ее в вход. Для собственноручной расправы она была слишком ленива, к счастью для ее челяди. Гельд стоял поодаль, полушутливо вжимая голову в плечи. Хозяйка Нагорья замечательно умела ругаться: каждый, кто вызывал ее неудовольствие, мгновенно ощущал себя смешанным с самой последней грязью и жалел, что родился на свет.

– Всех вас надо выгнать в горы, и живите там, как знаете! – бушевала Далла. – Мне такие работники не нужны! Пусть тролли вас там сожрут, больше ни на что вы не годны! Поглядели бы, как пасет стадо новый пастух! У него-то волки никого не тронули! У него даже собаки нет, а он лучше вас делает свое дело! И не жалуется, что ему, дескать, дают мало еды!

– Он... – Виновные пастухи переглянулись. – Мы не знаем, но любой подумает, уж не он ли отгоняет волков от своего стада, чтобы бросились на наше...

– Да как вы смее наговаривать! Сами не умеете работать, так вам жалко, что другие умеют! Ну, погодите! Если еще хоть одна овца пропадет, я вас всех выгоню взащей, а всех овец отдам Ульву! Пусть он один всех пасет, и то справится лучше вас! Тьфу! Тролльные отродья! Чтoб вас великанша сожрала!

Негодующе разрубив плетью воздух, хозяйка поехала прочь. Трое пастухов провожали ее угрюмыми взглядами. В душе они были уверены, что уже попали в лапы к великанше, хотя и небольшой ростом и миловидной на первый взгляд.

– А что-то мне померещилось, что у этого Ульва кровь на бороде засохла, – бормотал по дороге Лодден. – Как будто он кому-то горло перервал...

– Уж больно хорошо он справляется с волками, – поддержал его старый Строк. – Видать, он с ними в дружбе. Может, и добычей делятся...

– Что вы там бормочете? – Далла гневно обернулась, и работники умолкли.

* * *

Через несколько дней в усадьбу Нагорье пожаловал еще один гость, и он явился совсем не так, как бродячий пастух по имени Ульв сын Ульва. Как-то после полудня в усадьбу прибежал один из виновных пастухов с заднего склона Горбатой горы – запыхавшийся, в мокрых башмаках, с выпученными глазами, – словом, как будто за ним гонится сам Фенрир Волк.

– Хозяйка! Где хозяйка? – вопил он. – Там, там!

– Что – там?

– Говори толком!

Во дворе его окружила челядь, и даже сама Далла вышла из дверей, не успев набросить ничего на платье.

– Там едут... С юго-запада, от Перепелкиного лога... Целая дружина, человек десять, не меньше, а то и двенадцать. Все верхом, все с оружием, а впереди самый главный! Богатый, в синем плаще, а вид такой грозный! Я его никогда не видел!

– Ты уверен, что едут сюда? – сурово спросила Далла. Она хмурилась, стараясь казаться строгой и невозмутимой, но лицо ее заметно побледнело, и Гельд видел, что сердце в ней дрожит по-заячьи.

– А куда же? – Пастух глотнул холодного воздуха широко раскрытым ртом и закашлялся. – К кому же еще могут ехать такие важные люди? Тут больше и жилья-то нет... Не в Подгорный же Двор к Стюру Ремешку.

– Закрывать ворота! – распорядилась Далла, и челядь с вытянутыми лицами кинулась выполнять приказание.

Далла повернулась к Гельду.

– Кто это может быть? – тревожно спросила она. – Я никого не жду!

– Мало ли. – Гельд пожал плечами. – Такую знатную женщину, как ты, многие захотят навестить.

– Но многие ли – с добром? – многозначительно сказала Далла, отчаянно сжимая пальцы.

– Не бойся. – Гельд обнял ее за плечи. – Может быть, ничего плохого они не хотят. Десять человек – не такое уж огромное войско. У меня тоже десять человек, и все умеют держать в руках оружие. Да в придачу твоя челядь... Да великий и могучий колдун, при имени которого содрожаются горы. – Он оглянулся в сторону Кара, который только что подошел и дергал за рукава суетящуюся челядь, расспрашивая о причине переполоха.

Далла беспокойно улыбнулась и прислонилась лбом к его плечу, как бы в поисках защиты. Гельд серьезно смотрел, как челядь волочет дополнительный засов в виде железной полосы, что перегораживала ворота от столба до столба. Да, если тут предстоит битва, то Далла надеется на него не напрасно. Он действительно будет ее защищать не хуже, чем защищал бы Эренгерду. Хотя бы потому, что он у нее в гостях, потому что она – женщина, за которую больше некому постоять. Не старый же ворчун Кар! Пока он будет валить дерево на очередного врага, еще пятнадцать лет пройдет. Как говорится, пока травка вырастет, коровка сдохнет.

Один из работников вылез на крышу и оттуда следил за приближением неожиданных гостей. В крышах всех четырех домов, образующих стены усадьбы, были устроены особые лазы. В те далекие времена, когда все четыре дома были полны дружиной, через эти лазы выбирались на крыши сначала наблюдатели, а потом и целые отряды, чтобы осыпать нападающих сверху стрелами, копьями, камнями. Теперь наблюдателем стал маленький, тщедушный рыжеватый раб по прозвищу Экорн – Белка, а внизу во дворе собралась «дружина» – челядь с ножами, кольями и камнями. Правда, десять настоящих воинов тут тоже было – люди Гельда и Бьёрна. Бьёрн вооружился длинным копьем и крашеным щитом и вид имел воинственный.

Экорн, распластавшись на крыше, как домовый тролль, делал знаки рукой: враги приближаются. Вскоре в ворота стукнули снаружи.

– Мы никому не причиним зла! – послышался голос. – Здесь ли живет Далла дочь Бергтора, вдова Стюрмира конунга?

– А кто ищет здесь Даллу дочь Бергтора, хотелось бы знать? – крикнул в ответ Кар. Он уже исчертил все ворота защитными рунами и теперь стоял рядом, как берсерк впереди войска, если не такой же могучий, то, по крайней мере, такой же злой.

– Ее ищет родич, Ингвид сын Борга, – ответил тот же голос. – Я не причиню зла ни ей, ни ее сыну, и хотел бы говорить с ней.

– Это в самом деле Ингвид сын Борга? – крикнула Далла от дверей хозяйского дома. – Зачем тебя занесло в такую глушь?

– А разве ты не знаешь, что произошло на Остром мысу осенью? Если бы ты впустила меня в дом, я рассказал бы тебе все подробно.

– Эй, каков он с виду, кто это говорит? – окликнула Далла Экорна.

– Вид у него суровый и грозный, волосы темные, глаза смотрят немножко друг в друга, брови черные и похожи на лук, что вот-вот выстрелит, – доложил Экорн с крыши. – Лет ему за сорок, а плащ синий.

– Это он. Откройте ворота! – отважно распорядилась Далла.

Пока челядь возилась с засовом, хозяйка стояла, сжав руки под накидкой и горделиво подняв голову. Ее била внутренняя дрожь. Между нею и Ингвидом Синеглазым, шурином Халькеля, ее двоюродного брата, не было особой дружбы. Он приехал неспроста. Что за вести он привез? Что случилось осенью на Остром мысу? Уж наверное, ничего хорошего! После того как почти два года родня о ней не вспоминала и не искала ее, Далла любые вести готова была считать плохими. Раньше она жаловалась, что ее забросили, а сейчас была бы рада, если бы ее одиночество продолжалось вечно.

Гельд стоял у нее за плечом. Его спокойствие тоже было притворным, но причины для тревоги у него были иными. Он-то хорошо знал, что случилось на Остром мысу, и даже догадывался, ради чего мог приехать Ингвид сын Борга. Его волновало другое: узнает Ингвид его самого или не узнает? Сейчас Гельд полностью оценил, как удобно быть незнатным и незаметным человеком. В те дни, когда он вернулся из Медного Леса вместе с Асвальдом ярлом, Ингвид был вместе с Гримкелем, ожидая в засаде все того же Асвальда. При переговорах Асвальда с Гримкелем, когда тот отдал меч, а Ингвид нет, Гельд не присутствовал, а смирно сидел возле своего корабля, поскольку ожидалась драка, а это совсем не его дело. Конечно, Ингвид мог слышать от людей, что с фьяллами был какой-то торговец из Барланда. Но вовсе не обязательно, что Ингвид услышал и запомнил его имя.

Да, конечно, это Ингвид Синеглазый. Гельд видел его несколько раз и довольно давно, но в том человеке, что первым въехал в раскрытые ворота, ошибиться было невозможно. Эти черные брови, широкие у внешнего конца и более узкие у переносицы, из-за чего слегка косящие внутрь глаза кажутся стрелами, бьющими точно в цель. Это грубоватое лицо, спокойное и даже обманчиво-туповатое, эти уверенные движения... Да, он – не Лейринг, хоть и в родстве с ними. Гельд пытался найти в облике Ингвида Синеглазого хоть малейшее сходство с Борглиндой, но не находил.

Зато в мальчике лет одиннадцати-двенадцати, который приехал с Ингвидом, сходство было, притом сразу с обоими. Синими глазами, черными бровями и резковатыми чертами высокий для своих лет и хорошо развитый мальчик заметно напоминал Ингвида, а замкнутое, горделивое выражение лица роднило его с Борглиндой, какой она бывала в волнении или опасности. Гельд сообразил, что это должен быть тот самый Хагир, которого Борглинда так вовремя сумела послать к Гримкелю Черной Бороде. При виде своей тетки Даллы Хагир не изъясил никакой радости, как, впрочем, и она.

– Приветствую тебя, Далла дочь Бергтора, и рад видеть тебя в добром здоровье! – Сойдя с коня, Ингвид приветствовал Даллу с немного неуклюжей, но подчеркнутой учтивостью. – Я проделал долгий путь, чтобы повидать тебя, и надеюсь, что мы обойдемся друг с другом по-родственному.

– Если сложится иначе, то не моя будет вина, – холодно ответила Далла. Она все еще трусила, и от страха казалась еще более надменной, чем обычно. – Будь моим гостем, Ингвид сын Борга. Ко мне так редко жалуют в гости добрые и достойные люди, что тебе не стоит обижаться, если я не сразу впустила тебя в дом.

– Я рад, что ты так осторожна. В нынешние времена у нас у всех больше врагов, чем друзей, – ответил Ингвид, настойчиво заглядывая ей в глаза своими косящими, но зоркими синими глазами, точно старался угадать, чего же ждать от этой маленькой женщины, умеющей иногда быть твердой, как лоб великана Хюмира.²

² Когда бог Тюр пришел к великану Хюмиру, тот дал ему задание разбить кубок, который оказался тверже всего в доме;

Далла повела Ингвида в дом, за ним потянулись его люди, челядь тем временем повела их коней в конюшню. Гельд следовал за всеми, стараясь не бросаться в глаза приезжим. Конечно, умнее было бы уйти к себе (своих людей он отослал и велел не выходить из гостевого дома, пока не позовут), но сам не мог сдержать любопытства. Необходимо выяснить, с чем приехал гость. А Далла не расскажет ему всего. Она даже не заметит всего того, что заметит он. Хозяйка Нагорья умеет быть очень проницательной во всем, что может послужить к ее выгоде, но при этом пристрастна и тщеславна и не замечает очевидного, если оно ее чем-то не устраивает.

Гостей усадили на скамьи (челядь поспешно расползлась по углам), Далла уселась на свою подушку, рядом с собой велела сесть Фрегне с маленьким Бергвидом. По обычаю учтивости Далла принялась было расспрашивать Ингвида о дороге, но он сам прервал ее.

– Я вижу, что учтивостью ты, родственница, поспоришь с кем угодно, но мне хотелось бы переговорить о деле поскорее, – сказал он. – Надеюсь, ты не сочтешь меня невежливым. Если наше дело сладится, тогда я смогу и задержаться, и поговорить о дороге, и о всяком другом... о чем ты захочешь. А если наше дело не сладится, то лучше бы мне не терять даром времени и поехать с моим делом куда-нибудь еще.

– Ты мудро рассуждаешь, родич! – с готовностью поддержала его Далла. Ни о чем другом она так не мечтала сейчас, как узнать, что у него на уме. – Разумеется, я не сочту тебя невежливым, если ты побережешь наше время, твое и мое.

Ингвид благодарно кивнул. Он не отличался красноречием и по природе был человек прямой: ему было гораздо легче идти непосредственно к цели, чем кружить и отводить глаза.

– Я приехал к тебе, зная, что ты женщина твердая духом, гордая и отважная, – начал он.

Далла вздернула нос, подтверждая, что все это так и есть. Гельд подумал, что эту часть беседы Ингвид подготовил заранее. Ну, что ж, ему не откажешь в уме: он знает, как надо разговаривать с его родственницей Даллой, если хочешь чего-то от нее добиться. Гельду оставалось лишь надеяться, что их с Ингвидом дорожки не пересекаются. А на это надежды было немного.

– Я понял, что на тебя можно положиться, еще когда ты уехала с Острого мыса, не желая там остаться среди предателей, – продолжал Ингвид, касаясь тех прошлых событий, которыми Далла особенно гордилась. – Тогда, ты знаешь, твой брат Гримкель был провозглашен конунгом Квиттингского Юга и Запада и принес Торбранду конунгу мирные обеты. Он обещал платить фьяллям дань, и они два года подряд не забывали исправно за ней приезжать...

Дальше Ингвид немногословно и толково пересказал все, что следовало знать о походе Асвальда Сутулого в Медный Лес, о попытке Гримкеля истребить фьяллей на обратном пути и о том, как фьялли чуть не истребили самого Гримкеля. Барландцев он не упоминал и ни разу не взглянул на Гельда, так что тот совсем успокоился насчет себя.

– А потом, понимаешь ли, твой родич Гримкель предложил фьяллям пойти в Медный Лес всем вместе, – закончил Ингвид. – Фьялли согласились. Мы так ждем, что весной их следует ждать на Остром мысу с войском, а оттуда они двинутся в Медный Лес. Могут и до тебя добраться, родственница. Конечно, если они пойдут с юга, от Острого мыса, то до тебя тут недалеко – я сам дней десять ехал, хотя и не от самого Острого мыса. Но десять дней – не вечность, а защитить твою усадьбу некому, там по пути жилья мало.

– Я благодарна тебе, родич, что ты предупреждаешь меня об опасности, – надменно поблагодарила Далла, не показывая, как взволновала ее эта весть. – Но все же Медный Лес велик. Сколько бы людей ни привел Торбранд Тролль, их не хватит на все эти пространства. Может быть, они изберут другой путь. Я слышала, что их больше привлекает усадьба Кремнистый Склон, та, что рядом с Турсдаленом. Они знают, что великан Свальнир скопил большие сокровища.

– Может быть, и так, – частично согласился Ингвид. Подбор доводов в споре давался ему не очень легко, и он мял свои крупные ладони, будто переключал из одной в другую что-то невидимое. – Но мы не хотим пускать их в Медный Лес. Ты видишь со мной всего десять человек, но на самом деле у нас гораздо больше. Есть еще среди квиттов такие, кто не хочет называться рабом Торбранда.

– Вы хотите с ним биться? – Далла слегка подалась вперед, глаза у нее заблестели.

– Да, – спокойно и твердо ответил Ингвид, и невольное уважение, которое ощущал к нему Гельд, еще больше возросло. Этот человек действительно собирался биться: как следует подготовиться к битве и потом уж стоять до конца.

– У тебя много людей? – оживленно спросила Далла.

В ее проворном воображении уже мелькали видения могучего войска, которое вернет ей с сыном былую честь, власть и богатство.

– У нас есть руки, чтобы держать оружие, но маловато самого оружия. Многие люди, что живут теперь в Медном Лесу, не вынесли свое оружие с полей битв или повредили его. Мне нужно железо. Говорят, что у тебя оно есть. Если это так, то я думаю, ты не откажешься помочь нам.

Едва речь зашла о железе, как оживление Даллы угасло. Она слишком привыкла охранять свое сокровище, как дракон Фафнир охранял легендарное золото, и любой, кто хотя бы думал о ее железе, мгновенно вызывал ее подозрение.

– Железо? – повторила она, еще не решив, что отвечать. – Ты слышал, будто у меня есть железо?

– Родственница! – внушительно сказал Ингвид и настойчиво заглянул ей в глаза. – Не будем играть в прятки, мы ведь не дети. Род Лейрингов с самых Веков Асов владеет этой усадьбой, с тех самых пор как Тюр помог отбить этот край у великанов. И с тех же самых пор возле усадьбы Нагорье добывают железо. Не может быть, чтобы его у тебя не было.

– Но разве железо есть только здесь? – отбила удар Далла. – У Фрейвида Огниво копи были куда богаче здешних. В его Кремнистом Склоне железа всегда выплавляли втрое больше здешнего. А ему все было мало... Ты говорил с наследниками Фрейвида? Кто теперь живет в его усадьбе?

– Там живет его вдова и побочный сын, Асольв. С ним я говорил. Он хочет нам помочь, но он не хозяин своему железу.

– Как-так? Кто же там хозяин? Ведь у Фрейвида нет другой родни!

– Ведь Кремнистый Склон стоит бок-о-бок с Турсдаленом, – напомнил Ингвид. – А в Великаньей долине живет Свальнир. Если он не захочет, никто не вывезет оттуда ни единого пеннинга железа.

– Вот как! – Далла недоверчиво усмехнулась. – А отчего бы вам не потолковать с великаном?

– Никто не скажет, что мне недостает смелости, но толковать с великаном – не мое дело, – без стыда и досады, со спокойным достоинством признал Ингвид. – Я сговорился с одним человеком... Он живет далеко отсюда, ты его не знаешь. Но у него хорошо получается толковать с нечистью. Он обещал мне пойти в Турсдален и поговорить со Свальниром. А я взял на себя другое – потолковать с тобой.

– Да уж! – с надменной обидой ответила Далла, сразу вцепившись в эти не слишком ловкие слова. – Я, разумеется, чудовище не лучше Свальнира.

– Как ты могла подумать... такую нелепость? – Ингвид в последний миг удержался, чтобы не сказать еще резче. – Ты – вдова конунга, ты моя родственница. Кому же говорить с тобой, как не мне, и с кем же говорить тебе, как не со мной? Ведь твой брат Гримкель хочет совсем другого. Он подмазывается к Торбранду Троллю, а подмазать он его может только нашей кровью, больше ничем. Как деревянного бога в жертвенный день. Он будет собирать

дань, чтобы наши люди каждую зиму уносили своих детей в лес³, а фьялли жирели, ничего не делая. Конечно, и Гримкелю перепадет, иначе зачем бы он так старался, хитрая сволочь... Хм, прости, я забыл, что говорю о твоём брате!

По мере своей речи Ингвид все больше и больше горячился; огонь его гнева разгорался медленно, но ровно и неуклонно. Гельд ловил каждое слово и даже потирал колени одно о другое от возбуждения: перед ним сидел человек, способный на большие дела! Способных на громкие слова везде полно, а способных к делу встретишь нечасто!

– Я думаю, ты не хочешь этого, – взяв себя в руки, Ингвид вернулся к началу своей речи. – Ты не хочешь всю жизнь просидеть в глуши, в этой усадьбе, куда и дороги-то нет, со своим сыном, который рожден от конунга...

– Мой сын – родич трех конунгов, если уж на то пошло! – быстро откликнулась Далла. Этот предмет, понятное дело, занимал ее больше всех прочих. – Его отец был конунгом! Его старший брат Вильмунд был конунгом, хоть и не слишком удачливым. И его дядя по матери тоже конунг, хотя тоже не из лучших. Мой Бергвид – наследник конунгов и с отцовской, и с материнской стороны. Квиттами должен править только он! Вот что, Ингвид сын Борга! – Далла внезапно приняла решение. – Я дам тебе железа на оружие, если ты дашь мне клятву, что мой сын будет провозглашен конунгом!

У Гельда дрогнуло сердце. Прощай, «злое железо»! Оно пойдет на мечи для квиттов, и фьялли получают их только тогда, когда клинки распорют им животы. Неужели судьба так его обманет и Локи посмеется над неудачником, вздумавшим подражать Коварному Асу? Неужели он напрасно торчит в этой троллиной усадьбе, рядом с ведьмой и колдуном, натужно скалит зубы днем и чуть не воет от тоски ночью? Все зря?

– Дать клятву? – недоуменно повторил Ингвид. – Как я могу дать тебе такую клятву? Я не Один и не вёльва, я не могу отвечать за будущее. Может быть, мы будем разбиты. Может быть, после победы тинг всего войска назовет конунгом совсем другого человека...

– Разумеется! – крикнула Далла, точно бросаясь на добычу. Вот теперь-то он заговорил по-иному! – Другого человека! Тебя, кого же еще?

– Меня? – Ингвид был удивлен и даже возмущен. – Я не думал об этом. Сейчас рано об этом говорить. Когда наше войско будет собрано, оно само назовет своего предводителя, достойного и родом, и нравом, и заслугами. А если в битвах он покажет себя достойно и останется жив, то его могут назвать и новым конунгом. Так бывало. Но я не могу сказать заранее, кто это будет. И как я могу навязывать людям в конунги мальчишку?

– Ты сможешь! Ведь это тебя выберут вождем! И тебя назовут конунгом! Кого же еще? Скажи мне, кто еще остался, достойный возглавить такое войско? Ну, кто? – нападала хозяйка. – Фрейвид? Он убит. Вальгаут Кукушка? Он убит у себя дома. Ингстейн Осиновый Шест? Он, как слышно, погиб в Битве Конунгов. От рода Лейрингов остался один Гримкель, но о моем подлом братце я даже говорить не хочу. Кто же остался, кроме тебя?

– Еще есть Донгельд Меднолобый, – помолчав, ответил Ингвид. – Я его видел. А со временем, может быть, появится и кто-то еще. Знаешь, как говорят: придет время, придет и средство. Когда люди готовы и дух их тверд, среди них обязательно находится настоящий вождь. А если вождя не находится, значит, время для дела еще не пришло. Вот что я тебе скажу. И не много я дам за дух такого племени, которое назовет своим вождем мальчишку, вчера посаженного впервые на коня!⁴

– Хельги сын Хьёрварда был прославлен подвигами в двенадцать лет!

³ В древности существовал обычай в голодные годы уносить в лес детей, которых не было возможности прокормить.

⁴ Мальчиков сажали на коня в три года, и этим ритуально отмечалась первая ступень их взросления.

– Так то в двенадцать! Я не Один, но я умею считать до двенадцати. А тут пока хватит трех! – Ингвид кивнул на Бергвида, что сидел на руках у няньки, и показал его возмущенной матери три пальца.

Далла сжала губы. От досады она покраснелась так, что даже на лбу у нее проступило яркое красное пятно. Возраст ее сына был единственным, с чем даже у нее не хватало упрямства спорить.

– Если ты поможешь нам, то твой сын будет расти в почете, которого достоин его род, – продолжал Ингвид, стараясь не горячиться. Он все еще надеялся убедить ее доводами. Честный воин, при всем его уме, не подозревал, что для некоторых людей доводы разума совершенно ничего не значат. – И когда он станет взрослым, то сможет смело спросить людей: не хотят ли они назвать его конунгом? И если он к тому времени достойно себя покажет, почему бы людям не сказать да?

– А если ты будешь разбит, мой сын не вырастет вовсе! – мстительно сказала Далла, будто уличила Ингвида в коварном замысле против нее. – Чтобы мой сын вырос, нужен мир. Мой брат Гримкель хотел сохранить мир и ради этого поступился даже своим достоинством. Он пожертвовал собой! А ты, сдается мне, предал его, потому что сам захотел стать конунгом!

Ингвид посмотрел на нее с откровенным изумлением. Раньше он не был близко знаком с этой женщиной и не знал, до какой нелепости она может дойти в своих рассуждениях, если задето ее самолюбие.

– Сдается мне, что ты хочешь мира с губителями твоего мужа! – точно сам не веря, проговорил он. – Фьялли погубили Стюрмира конунга и сделали твоего сына сиротой. А ты рада примирению с теми, кому твой сын должен мстить. Что-то мне не верится...

– Моего мужа погубили не фьялли! Его погубил Медный Лес! Да, ваш хваленый Медный Лес! – крикнула Далла, уже забыв, что сама живет в Медном Лесу. – Тот самый великан, с которым вы теперь водите дружбу! Это он обрушил на моего мужа лавину, которая его засыпала! Это ему должен мстить мой сын! А не дружить с ним! Пусть тот мерзкий великан и дает вам железо! А у меня вы не получите ни единого пеннинга!

Далла задыхнулась от негодования и замолчала. До нее только сейчас дошло, что она сказала. До Ингвида тоже дошло не сразу: ему казалось невероятным, что на пороге войны человек в здравом уме может рассуждать подобным образом.

– Вот как! – наконец произнес он и поднялся на ноги. Больше ему было нечего сказать. – Значит, прощай, родственница. Наше дело не сложилось. Как бы тебе потом об этом не пожалеть.

– Я сама о себе позабочусь, – ядовито ответила Далла. – А ты позаботься о великане.

Ничего не ответив, Ингвид первым вышел из гридницы, за ним дружно зашагали его люди. Они уехали сразу; впрочем, хозяйка и не приглашала их даже переночевать. Старый Строк украдкой показал одному из хирдманов на запад, растолковал покороचे, где стоит Подгорный Двор; хирдман сунул ему что-то в руку.

Ворота закрыли за гостями и опять заперли, но Далла еще очень долго не могла успокоиться. Уже стемнело, служанки накрыли ужин, в очагах трещал огонь, а вдали завывали волки, но Далла ничего не замечала. Она расхаживала вдоль помостов между очагами, гневно потрясала руками и говорила все об одном и том же: о наглеце Ингвиде, который задумал сам стать конунгом, спихнув с дороги ее сына, и только затем затеял весь этот поход. Добром это не кончится, фьялли их разобьют! И захватят весь Медный Лес, разорят, как разорили Запад, Север и Юг! И она погибнет, погибнет с ребенком, хотя вовсе не хотела помогать этим сумасшедшим наглецам!

Несколько раз Гельд брал ее за руки, усаживал на скамью, принимался уговаривать и успокаивать; поначалу она затихала, но потом начинала все сначала. Гельд вздыхал, следя со своего места, как она расхаживает взад-вперед. Эта женщина изумляла его. Она воображает

себя зоркой, как Один, озирающий единственным глазом небо и землю, а на самом деле слепа, как крот. Ради призрачной чести своего сынишки она готова пожертвовать свободой целого племени, того самого, где ее сын мог бы когда-нибудь стать конунгом. Она не глупа, но не умеет смотреть вперед и действует порывами; сама рубит под собой сук и думает, что устроила дела как нельзя лучше. Ее ум принимает во внимание только то, что касается ее непосредственно. А этого, увы, недостаточно даже для той святой цели, чтобы правильно позаботиться о самой себе! Но даже попробуй он растолковать ей это, разве она ему поверит?

Как видно, все эти Лейринги такие. Борглинда сначала помогла ему спасти Асвальда и фьяллей, потому что это казалось ей справедливым, а потом послала брата предупредить об опасности Гримкеля, потому что это тоже казалось ей справедливым. Она так же порывиста, как Далла, но более чистосердечна и благородна духом. Ее никто этому не учил, ее сердце само на ощупь искало правильную дорогу. А сердце Даллы ведет ее к пропасти. Но, хотя все обернулось к выгоде Гельда, он не мог радоваться неразумию хозяйки.

– Я уверена, что Ингвид еще вернется! – сказала вдруг Далла. Остановившись возле очага, она повернулась к Гельду, прижимая руки к груди. – Я уверена! Он так просто не откажется! Он ведь сказал, что я об этом пожалею. Он знает, что больше ему негде взять железа. Что он там болтал про великана – никто и никогда не договорится со Свальниром! Это все ерунда, лживые саги для глупых детей! Он вернется!

– И у него будет не десять человек! – предостерег Кар.

Гельд хотел было его поддержать, но прикусил язык. Если он согласится, то Кар, как тогда с пастухом Ульвом, переменит мнение и будет твердить глупости, лишь бы противоречить ему. А пока он говорит очень дельные вещи, так и пусть говорит.

– Он приведет целое войско и попытается взять наше железо силой, – продолжал Кар. – Надо его спрятать получше, да так, чтобы ни одна собака не знала.

– Что же, мне самой его таскать? – оскорбленно спросила Далла. – Ты ведь ни единой крицы не поднимаешь.

– Пусть рабы таскают... – пробормотал Кар и многозначительно не окончил.

– Я не творю рабов из глины! – ответила Далла, понявшая его умолчание. – У нас есть Бури. Пусть таскает, а потом он сразу забудет. И хоть режь его...

– А если резать будут кого-то другого? – осторожно намекнул Гельд. – Или ты сама собираешься не знать, где твой раб прячет железо? Конечно, это неглупо. Как говорится, не знаешь – не проболтаешься.

Далла озадаченно промолчала. Разве можно ей не знать, где ее сокровища?

– Ах, если бы только знать, что он задумал! – страдальчески протянула она, сжимая руки. – Если бы я знала его замыслы...

– Может, ты и узнаешь их, – загадочно произнес Кар.

Далла резко повернулась к нему.

– Каким же образом? – подозрительно спросила она. – Уж не ты ли мне их откроешь?

– Может, и я, – ответил Кар и бросил на Гельда угрюмый взгляд. – Пусть другие рассказывают тебе лживые саги. А я сумею сделать кое-что получше.

– Что?

– Я задумал вот что, – не сразу ответил Кар, заставив хозяйку помучиться от любопытства. – Я отправлюсь на Раудбергу.

Далла и женщины вокруг нее испуганно ахнули. Все слышали про Раудбергу, Рыжую гору, целиком состоящую из кремня. Когда-то давно, в сумеречные потерянные века, когда Квиттингом правили великаны, на Раудберге они устроили свое святилище, называемое Стоячие Камни. Святилище сохранилось и сейчас. Но приходить туда мало кто отваживался, потому что от Раудберги было совсем близко до Турсдалена – Великаньей долины, где жил Свальнир, последний из рода квиттингских великанов. Жутко было подумать – пойти в велика-

ные святилище и там творить ворожбу. Стоячие Камни полны древней, невообразимой силой, которая сама по себе раздавит неосторожного пришельца...

– Да. – Кар уверенно кивнул. – Я пойду туда и там, перед древними священными камнями, раскину мои руны. Здесь мне мешает кто-то, – он метнул косой взгляд на Гельда, – но там сила великанов поможет мне. Я узнаю все замыслы наших врагов, – он метнул на Гельда еще один многозначительно-угрожающий взгляд, – и тогда мы точно будем знать, что нам делать.

– И когда ты думаешь отправиться? – боязливо и отчасти недоверчиво спросила Далла.

Она привыкла думать, что ее управитель едва-едва заслуживает называться колдуном, и никаких чудес от него не ждала. Но сейчас, едва собравшись на Раудбергу, он разом вырос в ее глазах и встал чуть ли не вровень с самой священной горой. Так и виделось, как маленький колдун сидит посредине огромной площадки великаньего святилища, а окружающие площадку высокие черные камни молчаливо смотрят на него тысячей невидимых глаз, и между ними мягко качаются волны нечеловеческой силы... Волосы шевелились на голове, мурашки бежали по коже.

– Завтра утром, – сурово ответил Кар. – Я должен успеть на Раудбергу к полнолуннию, а до него осталось всего пять ночей. Может быть, в пути мне придется нелегко. Надо быть ко всему готовым. Мало ли что задумали наши враги?

Он опять посмотрел на Гельда. Гельд задумчиво покусывал сустав пальца. Решение Кара удивило его: он тоже не ждал от сварливого колдуна таких подвигов. И то, что тот нашел в себе такую отвагу, было до крайности неприятно. «Домашнее средство» – руна на коже – могло хорошо послужить против маленькой домашней ворожбы. Но если Кар вздумает раскидывать руны в Стоячих Камнях, то на сей раз к сердцу Гельда протянется копье такой великанской мощи, что его не отразит и щит из драконьей шкуры.

Несколько мгновений Гельд колебался: поддержать решение колдуна в надежде, что тот передумает, или возражать и тем укрепить его противоречивый дух? Все же Гельд избрал второе. Не сидеть же ему, в самом деле, тут до Праздника Дис! А без колдуна его дело может и сдвинуться с места. У него будет дней десять. За это время можно очень много успеть.

– Не думаю я, будто у тебя что-то получится, – вполне искренне усомнился Гельд. – Я слышал, что сила Стоячих Камней не покорялась людям и посильнее тебя. Один чародей даже не добрался до вершины горы...

– Я доберусь! – язвительно утешил его Кар. – Если у твоего приятеля Рама ничего не вышло, это не значит, что никому другому это дело не по силе.

Гельд пожал плечами. Ему было любопытно: Рам Резчик и правда пытался подниматься в святилище Раудберги, или Кар выдумал со злости?

А может, у него и правда ничего не получится?

* * *

На другое утро Кар отправился в путь. Он взял маленькую смирную лошадку, припасов на дорогу и свой мешочек с рунами. Гельд еще советовал ему взять черного барана для жертвы, но Кар отмахнулся.

– Он купит барана в усадьбе Кремнистый Склон, – сказала Далла. – Наверняка у них хватает скотины... Если не всю отбирает великан. А у нас лишних нет!

В самом деле, за последние дни овечье стадо Нагорья не досчиталось еще нескольких голов. Целы все до одной были только овцы Ульва, а у других пропадали каждые два-три дня. А находилось потом лишь несколько обгрызенных костей.

– Надо спросить у этого Ульва, какое такое волчье заклятье он знает, – бормотали между собой работники, сидя по вечерам у очага.

– Может, у него какой-то амулет, отгоняющий волков? Может, поделится и с другими?

– Вот бы хозяйка поговорила с ним! Ей-то он не откажется сказать, в чем тут дело!

Подходящий случай вскоре представился. Через несколько дней после отъезда Кара Ульв сам явился в усадьбу. Он уже раза два или три приходил пополнить запасы еды и всегда оставлял своих овец без присмотра, но они смиренно паслись, точно привязанные невидимой веревкой.

– Пусть никто не ходит ко мне, не мешает! – говорил Ульв домочадцам Нагорья. – Когда мне что-то понадобится, я сам приду. А с овцами ничего не случится.

– Он овечьё заклятье тоже знает, – шептали женщины.

В прежние дни Ульв уходил сразу же, как только Кар выдавал ему хлеба, ячменя на кашу и сушеной рыбы. Но в этот раз он попросился переночевать, и Далла позволила.

– Ляжешь там, среди челяди. – Она показала ему на ближнюю к двери часть дома. – А на заре возвращайся к овцам. Сколько бы ты ни знал заклятий, я полагаюсь на живого человека больше.

Ульв послушно кивнул. Он вообще был неразговорчив и к вечерней болтовне челяди прибавил мало.

Постепенно говор успокаивался, домочадцы Нагорья устраивались спать. Ульв приволок из конюшни охапку сена и улегся на ней, подложив под голову свернутую накидку. При этом старый Строк толкнул Вадмеля и сделал ему знак белыми бровями. Вадмель недоуменно pokrutil головой.

Через некоторое время Строк кивнул ему на дверь. Озадаченный Вадмель вышел с ним во двор.

– Ты чего, старик?

– Ты не видел? – Строк кивнул на дверь дома. – Не видел, что у него на шее?

– У кого?

– Да у нового пастуха! У Ульва! У него на шее мешок! А в мешке...

– Что – в мешке?

– Откуда я знаю? Да уж наверное что-то любопытное! Я так думаю, там как раз и лежит его амулет!

– Да ну!

Поразмыслив немного, Вадмель решил призвать на совет Лоддена, и три работника еще некоторое время шептались.

– Там может быть и золото! – говорил Лодден. – Не зря этот бродяга ходит по горам среди зимы! Он убил кого-то, забрал золото, а теперь пришел к нам прятаться!

– Надо посмотреть, что у него там такое! – твердил Строк, подталкивая локтями то одного товарища, то другого. – Амулет там или золото – нам все пригодится!

– Зачем он явился, убийца, чтобы из-за него хозяйка попрекала нас день и ночь! – возбужденно шипели Лодден и Вадмель. – Пусть проваливает, откуда пришел!

– Только надо сейчас! Другого такого случая не будет!

– Сейчас полнолуние, да? – Вадмель глянул на небо. – В полнолуние надо бы поостеречься...

Вид неба не слишком подбодрил: почти сплошь оно было закрыто серыми тучами, а чернота в длинных неровных разрывах наводила на мысли о летящих драконах. Полная луна сияла сквозь легкую дымку, своим светом вытопив в облаках круглую проталину. Вблизи самой луны свет был белым, подальше – желтым, а на самом краю облаков – красноватым с коричневым отливом. Во всем этом было что-то значительное, но три работника не знали, добро или худо предвещает им Солнце Умерших.

– Ничего страшного! А такого случая больше не будет! – убеждал старик двух молодых. – Я ни за что не пошел бы к нему на пастбище и не остался бы там ночевать, чтобы он скормил

меня своим приятелям волкам! Да он и днем может! Нет, надо сейчас. Поди, Лодден, посмотри, спит он?

Боязливо поёживаясь, Лодден вернулся в дом. Огонь в очагах еще ярко горел, но все уже лежали и, похоже, спали. Не слышалось ни единого голоса. На женской половине тоже было тихо. Хозяйка спала на своей лежанке рядом с нянькой и маленьким Бергвидом. Ближе всех к женской половине устроился хозяйкин приятель барландец. В отсутствие Кара он ночевал в хозяйском доме, чтобы быть под рукой в случае чего, как он говорил. Но вся челядь до слабоумного Бури знала, какого «случая» он выжидает!

Лодден подкрался к Ульву, осторожно наклонился, прислушался. Пастух дышал глубоко, шумно и ровно, как во сне. При свете очага на его шее можно было разглядеть кожаный шнурок, на котором висел мешочек из темной кожи. Мешочек был обкручен и обвязан этим же шнурком намертво, так что узлы залоснились и поблескивали. Такое даже зубами не развяжешь. Да и не похоже, чтобы ремешок часто развязывали. Значит, там не огниво и кремь, которые приходится часто доставать. Там что-то ценное!

Возбужденно сопя, Лодден вернулся к товарищам.

– Спит! – доложил он. – И все спят. Можно идти!

Смесь жадности и любопытства всякого раба сделает отважным. Один за другим, на цыпочках, как три полуночных тролля, Лодден, Вадмель и Строк прокрались в дом. Пламя очага бросало неровные тени, лицо спящего казалось дрожащим, подвижным. Три «грабителя» помедлили немного, но все было тихо.

Строк делал побуждающие знаки бровями. Вадмель неуверенно шагнул к Ульву. В руке у него был маленький острый нож. Дважды он протягивал руку и дважды отступал. «Дай я!» – сердито шепнул Лодден. Испугавшись, что добыча уйдет в чужие руки, Вадмель наклонился и дрожащим лезвием в дрожащей руке перерезал кожаный ремешок.

Свирепый рев потряс и подбросил спящий дом. Нечто жуткое, косматое взметнулось там, где стоял наклонившийся Вадмель и отбросило его прочь; в глаза рабу бросилось что-то серое, красное, с белым блеском зубов и зеленым огнем диких зрачков. В тот же миг Вадмель уже хрипел и катился по полу, разбрызгивая вокруг кровь, которая густой струей лилась из его разорванного горла. Жуткое чудовище с разинутой волчьей пастью кинулось на Лоддена, и тот с отчаянным воплем подался назад. Волчьи зубы щелкнули возле его живота. Огромный волк с горящими зелеными глазами прыгнул и вцепился в горло; человек и волк катились по земле, задели горящий очаг; полетел запах паленой шерсти.

Спящие мгновенно проснулись и вскочили; длинный дом наполнился истошными воплями. То ли это сон, то ли явь; возле лежанок огромный свирепый волк рвет зубами кого-то из мужчин, и огромные кровавые пятна при свете огня кажутся черными. Тени мечутся, стены дома качаются, земляной пол дрожит; хочется бежать, но ноги онемели; хочется кричать, но крик застрял поперек горла и душит. Боги Асгарда! Откуда тут волк? Что за чудовище? За что?

Гельд вскочил одним из первых. Он, собственно, и не спал, но не стал вмешиваться в возню работников: мало ли что они там затевают между собой? Но все же он подсматривал сквозь ресницы и отчетливо видел: едва лишь Вадмель перерезал ремешок и поднял мешочек, как на месте спящего Ульва оказался огромный волк. Гельд видел это совершенно ясно и так же ясно осознал: оборотень.

В следующее мгновение он был уже на ногах, руки сами искали и жаждали какого-нибудь оружия. Меча он с собой в хозяйский дом не брал, и рядом с его одеждой лежал только нож.

– Назад! – крикнул он Далле, которая замерла на своей лежанке, тараща изумленные глаза на схватку Лоддена с волком. – Ребенок!

В одной руке держа нож и одним глазом присматривая за оборотнем, Гельд схватил за шиворот плачущего Бергвида и почти бросил его к задней стене. Лодден и оборотень ката-

лись по полу перед дверью, и мимо них выйти из дома никто не мог. Женщины визжали до хрипоты, хватали детей, валились с лежанок, путались в одеялах, кидались прочь от зверя, в заднюю часть дома, натыкались друг на друга и падали.

– Назад! Возьмите его! – яростно орал Гельд, толкая служанок в дальний угол. – Есть тут еще что-нибудь...

К задней стене дома было прислонено кое-какое оружие, но от женщин было мало толка, а мужчины не могли к нему подобраться. Одна догадалась сунуть Гельду в руки копье, и он был рад ему так, как не обрадовался бы всему сокровищу Фафнира.

Лодден тем временем затих; одна его нога оказалась в очаге, башмак горел, но он был больше не в состоянии это заметить: домашний очаг уже стал для него погребальным костром.

Оборотень поднял окровавленную морду, взгляд его зеленых глаз скользнул по толпе женщин, сбившихся в кучу в дальнем углу, и оттуда снова послышались вопли ужаса. Общими руками держа перед собой копье, Гельд выскочил вперед и загородил их; ему совершенно не хотелось изображать Сигурда Убийцу Дракона, но всем этим женщинам больше неоткуда было ждать защиты. В одной рубашке и босиком – Сигурд хоть куда!

Оборотень шагнул к нему, переступив через тело Лоддена, и Гельд крепче уперся ногами в пол. Ну и чудище... с медведя ростом... ведьмы вырастили... чего ему надо?

Гельд чувствовал себя собранным, как никогда в жизни; где-то совсем рядом с сознанием билась и вопила холодная смертная жуть, но сознание было занято только одним: поймать волка на острие копья, если он вздумает прыгнуть. Вогнать прямо в глотку, если подойдет... *«Меч через пасть Пожирателю Трупов всадит он в сердце...»*⁵ Не самое подходящее время вспоминать древние песни, но строчка из предсказания вещей вельвы очень кстати всплыла в памяти и указала Гельду, что он должен делать.

Волк метнулся в сторону, и Гельд поспешно передвинулся с копьем. Волк смотрел прямо на него и выжидал, и в его ясных и жестких глазах Гельд видел разум, не уступающий его собственному. В его мыслях было лицо Ульва, а перед глазами стоял огромный волк с окровавленной пастью, и оба эти образа четко сливались в один. Волк метнулся в другую сторону: он явно пытался обойти Гельда и добраться до женщин. Но в глаза ему светил наконецник копья; похоже, оборотень знал, что такое «злое железо», наносящее более глубокие и хуже заживающие раны, чем все прочее.

Все, кто был ближе к дверям, теперь выбежали из дома; краем уха Гельд отмечал визг и треск, когда челядинцы норовили проскочить в дверь сразу впятером или вшестером. Раскрытая дверь зияла пустотой и молчала. Догадается хоть кто-нибудь помочь? Хотя бы позвать барландцев из гостевого дома? В своих людях Гельд был уверен. Лишь бы они только узнали...

Чудовищный волк вдруг отвел глаза от Гельда. Его взгляд был устремлен куда-то ему за спину, вниз, к полу.

– Кто там у меня за спиной? – резко крикнул Гельд, не отрывая взгляда от волка. – Отойди назад, мать твою! Он сейчас прыгнет!

Далла, жавшаяся к задней стене, вдруг вскрикнула. Там, перед ее лежанкой, на полу валялось огниво. Ее драгоценное огниво, которое она клала под подушку на время сна, а сейчас, как видно, выронила в суматохе. Это к нему был устремлен взгляд жуткого зверя. Это за ним явился оборотень! За ее единственным сокровищем! Он хочет отнять залог ее силы, ее будущего!

Оторвав от себя руки рабынь, Далла шагнула вперед. Гельд с копьем и волк с оскаленными зубами застыли друг против друга, как вытканые на ковре. Все застыло.

И Далла боязливо и отважно двинулась вперед, надеясь сейчас, пока мгновение зависло, украсть у судьбы то, что судьба пыталась украсть у нее.

⁵ «Старшая Эдда», пер. С. Свириденко.

И вдруг оборотень прыгнул. Гельд метнулся ему навстречу с копьём, но руки дрогнули и острое клинка ударило не в горло зверя, а в лапу. Волк взвыл и рухнул на пол, а сила столкновения сбила и самого Гельда. Кто-то вскрикнул у него за спиной; Гельд покатился по земле назад и задел кого-то. Лежа и дергаясь, он лихорадочно пытался совладать с длинным копьём – скорее, скорее, пока оборотень не успел первым! Тот был у него прямо перед глазами: воющий, дергающий раненой лапой и отчаянно мотающий огромной головой. В его вое звучали боль и ярость, душный горячий запах зверя окутывал Гельда и мутил разум.

В дверях раздался шум: на пороге встал Бьёрн со своим крашеным щитом и мечом Гельда в руке. Собственный меч висел у него в петле на запястье. Первый же его взгляд упал на волка, и Бьёрн изменился в лице. Кто-то толкнул его в спину, он влетел в дом, хотя первым его побуждением, казалось, было убежать: он услышал о «волке в гриднице» и ожидал увидеть волка ростом с волка, а не с медведя! Да это косматый дракон какой-то! Но тут же Бьёрн справился с собой и шагнул вперед, отчаянно хмурясь. Следом за ним вбежал еще один барландец с возбужденно и тревожно вытаращенными глазами и с секирой в руке.

Волк обернулся, глянул на них, потом опять на Гельда. Гельд уже был на ногах; крикнув Бьёрну что-то неопределенно-призывное, он бросился на волка с копьём. Теперь-то они его одолеют!

Но из-под самого клинка оборотень вдруг взвился в прыжке куда-то вверх; раздался треск, и чудовище исчезло. Серый хвост и задние лапы мелькнули в отверстии лаза, который вел на крышу, царапнули когти, на пол упало несколько сорванных комков дерна. На крыше послышался тяжелый шорох, а со двора – крики нескольких голосов. Потом голоса издали общее восклицание, и все стихло.

Некоторое время в гриднице стояла тишина, только женщины всхлипывали в углу. Гельд изумленно смотрел то на пустое место, где только что был оборотень, то на зияющий лаз в крыше. Уже все?

После недавних воплей тишина оглушала. Как будто все умерли.

Гельд медленно обернулся, опираясь на копьё. Напряжение схлынуло, навалилась слабость, стало отчаянно холодно.

Далла, в одной рубаше и с рассыпанными темными волосами, сидела на полу возле своей лежанки и издавала сдавленные рыдающие звуки, сжимая в руке что-то маленькое и черное.

– Что ты тут сидишь? – отчетливо, как у слабоумной, спросил у нее Гельд. Он весь дрожал, и голос у него тоже дрожал. – Я же сказал: назад! Тебе что, жить надоело? Что ты тут забыла?

Всхлипывая, Далла протянула ему руку. На ее ладони лежало огниво.

– Вот уж сокровище! – с чувством произнес Гельд и с трудом подавил желание сказать что-нибудь похлеще. – Это что – дороже жизни? С ума ты сошла, что ли?

– Доро... же, – не сразу выговорила Далла, давась рыданиями. – Это мое... Оно...

– Да твое, твое! – устало утешил ее Гельд и сел прямо на лежанку хозяйки. – Не отняли же.

В дверях показались сбежавшие челядинцы. Теперь, когда все кончилось, они как следует вооружились: поленьями, ножами с посудной полки, а один даже прихватил здоровенный коровий колокольчик из чистого железа. Видно, ничего другого под руку не попалось.

– Он с крыши... прыгнул и убежал, – на разные голоса доложили челядинцы. Все они были бледны, лихорадочно постукивали зубами, отчего речь получалась невнятной. – Мы видели. Вдруг – раз, и на крыше, оборотень проклятый. Мы думали, он вас всех съел.

– Съел бы, если бы все такие смелые были, как вы! – утомленно сказал Гельд.

Его не тянуло ругаться, тем более что он их вполне понимал. Он и сам убежал бы от волка без оглядки, если бы не было стыдно бросить женщин.

– Что бы мы делали... Ох! – прокряхтел из угла старый Строк.

Когда волк кинулся на Лоддена, старика отбросило в угол, и там он пролежал все время битвы, ни жив ни мертв от ужаса. Теперь он пытался встать, но левая нога почему-то совсем не слушалась.

– А ты-то куда полез! – Гельд вспомнил, с чего все началось. – Чего вам от него понадобилось? Вот и лежат теперь... два героя. Да уберите его от огня, сейчас пожар будет.

Запах горелой кожи перешел в запах горелого мяса. Сообразив, отчего так трудно дышать, работники потащили тело Лоддена прочь от очага. На его растерзанное горло и грудь старались не смотреть. Голова болталась, как на нитке, и могла вот-вот оторваться. Весь пол в передней части дома был залит кровью, и все, кто поднимал тела Лоддена и Вадмеля, тоже оказались в крови.

Гельд наконец нашел в себе силы расстаться с копьем и прислонил его к стене возле лежанки. После этого он поднял с пола Даллу и посадил рядом собой. Руки у нее были холодные, как лед, плечи под рубашкой холодные, и она дрожала крупной дрожью. Вцепившись в руки Гельда, она прижалась к нему, пыталась что-то сказать, но ее зубы так лязгали, что он ничего не мог разобрать.

Вспомнив, как недавно поднимался туда, Экорн догадался притащить лестницу и закрыть крышку лаза, чтобы тепло очагов не улетучивалось в зимнее небо. В очаги подложили дров, огонь загорелся ярче. Кто-то уже рассказывал барландцам, с чего все началось и как было. Гельд выдернул с лежанки одеяло и укутал им плечи Даллы. Она не выпускала его руку, мертвой хваткой вцепившись в нее своими застывшими пальчиками, так что ему было холодно и больно.

– Все, все, не бойся! – твердил он ей, как ребенку. – Он убежал к себе в лес. Больше не придет.

– А был бы здесь Кар, может, он распознал бы заранее, – пробормотала рядом Фрегна, нянька Бергвида.

– Да? – Гельд посмотрел на нее. – Ведь это Кар решил принять его в пастухи. Мне он с самого начала не понравился. Помнишь, что я говорил? – строго спросил он у Даллы.

Она прижималась лицом к его плечу и так стучала зубами, что Гельд боялся, как бы не укусила.

– Помнишь, что я говорил? Что этот человек не внушает доверия? – настойчиво повторил Гельд. В награду за подвиги он мог себе позволить хотя бы это удовольствие.

Далла несколько раз кивнула. Сейчас она была готова подтвердить что угодно.

Глава 2

Полная луна ярко освещала площадку на вершине Раудберги, и оттого она казалась неоглядно-огромной, как целое озеро лунного света. Вчера ночью и сегодня весь день и вечер до самой полуночи небо было затянуто тучами, но сейчас они разошлись, точно для Солнца Умерших раскрылись ворота. Да, так и должно быть. Так говорили. В полночь полнолуния над вершиной Раудберги всегда ярко светит луна.

Кар Колдун стоял в воротах святилища – в промежутке между двумя высокими стоячими валунами, где кончалась тропинка, по которой он сюда поднялся. После долгого подъема тщедушный колдун запыхался, но близость высших сил придавала сил и ему. То, что он вообще сюда добрался, обнадеживало. Ведь рассказывали, что неугодных ей Раудберга не допускает до вершины, и они до зари все плетутся и плетутся по тропинке на склоне, плутают между скал и валунов, и к рассвету оказываются там же, где и начали подниматься. Он же дошел. Прижимая руку к груди, Кар с гордостью смотрел на черные валуны площадки. Добравшись до них, он уже как бы стал равен им.

Под серебряными потоками лунного света на боках черных валунов проступали руны – древние руны племени великанов, которых никто из живущих ныне людей не знал. По ним перебегали голубоватые, зеленоватые неверные искры, таинственные знаки казались живыми: они перемигивались, шептали, излучали свою собственную, непостижимую силу. Кар медлил, не решаясь покинуть ворота и шагнуть в это озеро лунного света. Казалось, только ступи – и утонешь. Там твердый камень, в нем не тонут, – убеждал себя Кар, но все же немало времени прошло, пока он осторожно прикоснулся ладонью к одному из камней, точно прося позволения. Холодный камень промолчал. Кар шагнул на площадку вершины.

Нужно дойти до самой середины. Узнать середину было нетрудно: там чернело пятно от старых жертвенных костров, хорошо заметное в белизне подлунного камня. Как знать, когда был разложен первый из этих костров, кому посвящен, кто был жрецом, а кто – жертвой. В первые века, пока люди были слабы и несведущи, бились кремневыми топорами, не знали рун и не умели обрабатывать железа, великаны приносили их в жертву богам, как сейчас люди приносят в жертву баранов и бычков. Тем же самым богам, что сотворили их. Ведь и сами боги – из рода великанов.

Кар медленно шел через спящую белизной площадку, не сводя глаз с черного круга. Казалось, жертвенный круг незаметно скользит назад и расстояние между ними не уменьшается. Голова кружилась, подлунный камень казался скользким, как лед. Надо спокойнее... Священная гора не отвергнет его у последнего предела...

Он нес на плечах связанного черного ягненка, но ему казалось, что жертва – он сам. Но ему не было страшно. Гора великанов не отвергла его, она принимала, она затягивала человека все глубже в священное пространство и подчиняла себе, наполняла собой мысли и дух, изгоняя все чуждое ей. Вступив в это лунное пространство, даже бросив на него первый взгляд из-за границы валунов, Кар стал совсем другим человеком. Все те чувства, с которыми он сжился – досада, гнев, зависть, враждебность – остались за черными камнями. К середине святилища шел новый Кар – сильный, спокойный, уверенный, мудрый, даже добрый. Вернее, не желающий никому зла. Нежелание зла еще не есть доброта, но ведь и те высшие силы, к которым он пришел воззвать, добры именно так. Они делают свое неспешное дело, не замечая суетящихся смертных и никому из них не желая зла.

Наконец граница черного круга придвинулась к его ногам. Кар остановился, снял с плеч ягненка и положил его в самую середину круга. Потом вынул из-за пояса нож. Этот нож был его самой большой драгоценностью: его взяли из случайно найденной могилы одного старого колдуна, чей дух долго не давал покоя округе. Кару стоило немалого труда его заполучить,

но зато именно потом то дерево, которое он точил пятнадцать лет, наконец упало. Часть силы умершего колдуна перешла к нему, и сегодня Кар был уверен, что увеличит ее многократно.

Кровь ягненка под лунным светом казалась совсем черной. Она широко растекалась по камню и пропадала, впитываясь в него, как в сухую землю. Вот отчего так черен этот круг: не уголь костров, а сама жертвенная кровь задержалась в нем. Кровь бесчисленных жертв бесчисленных поколений. И с каждой каплей этой крови древнее великанье святилище копило силу. Тот, кто добавит каплю крови, получит в обмен каплю силы. Так устроен мир: на дар жди ответа, на дело – воздаяния.

Ягненок был мертв. Теперь Кар остался тут совсем один. И в то же время все пространство вокруг него было полно жизни. Она откликнулась, разбуженная горячей кровью жертвы, и Кар еще яснее ощутил ее присутствие. Воздух вокруг него был свеж, прохладен и плотен, по нему пробегали беспорядочные слабые волны – это дышали священные камни. Кар оглянулся один раз и больше не посмел: он был маленьким-маленьким в середине огромной площадки, а всю ее окружали огромные черные валуны высотой в три-четыре человеческих роста. Как безмолвные, безглазые лица, они все были обращены к нему. Они ждали.

Дрожащими руками Кар снял с шеи свой мешочек с рунами. Страх по-прежнему не было, но эта сила, живущая здесь, уже наплатила каждую жилку его тела и ей было тесно внутри. Он ощущал себя сильным, как великан, зорким, как Один, единственный глаз которого видит все тайны вселенной. А вселенная была так близка: огромный океан мрака, окруживший Раудбергу – земля, безмолвная и глухая; огромный океан темной синевы за серой стеной облаков – небо. Ему нужен был посредник, чтобы услышать голос неба. И эти посредники у него были – двадцать четыре ясеневого палочки, которые сам Один дал людям, чтобы они могли выйти из мрака и приблизиться к богам.

Вытащив из-за пазухи белый платок, Кар постелили его в середину черного круга, обратив четыре угла к четырем сторонам света. Платок сразу намок в крови, сквозь белую ткань проступили темные пятна. Кар развязал мешочек.

– Зову вас, норны, девы судьбы, – хриплым, чужим голосом произнес он, и собственный голос показался ему какой-то дерзостью здесь. Но говорить он был должен: трусам нечего тут делать. – Зову вас, Прошлого, Настоящее, Будущее. Зову вас, Урд, Вёрданди, Скульд.

Кар опрокинул мешочек над платком. Руны просыпались с тихим значительным шорохом. Кар поднял правую руку, чтобы перемешать их, и вдруг замер.

Он сам не знал, что заставило его поднять голову и посмотреть на край площадки. Между двух валунов появилось что-то маленькое и темное.

Это было живое существо. Кар застыл, скованный ужасом и трепетом, не в силах даже вздохнуть. Неведомое существо медленно приближалось, неторопливо шагая, и лунный ветер трепал полы длинной темной одежды. Оно не шло, а плыло по озеру лунного света; оно было порождением этих камней и этого света. Это был сам дух святилища на Раудберге. Тянуло вскочить и бежать отсюда, пока не поздно: почему-то это маленькое, не выше человеческого роста существо вселило в него больше благоговения и ужаса, чем вся площадка святилища с молчащими валунами и черным жертвенным кругом. Валуны молчали, а дух Раудберги шел к нему, чтобы говорить. Вся эта сила, рассеянная в воздухе, собралась в нем, как в кулаке, и сама ее близость грозила раздавить.

Постепенно сидящий в оцепенении Кар стал различать, что к нему приближается женщина. На ней был темный плащ до самой земли, голову покрывала небольшая повязка, серая или белая, из-под которой спускались до колен густые волны темных блестящих волос. Норна была прекрасна и величественна; Кару хотелось склониться перед ней до земли, но он не мог шевельнуться.

– Здравствуй, Кар Колдун, – спокойно сказала норна, подойдя и остановившись у противоположного края черного круга. Ее негромкий голос качался на невидимых волнах и обво-

лакивал со всех сторон. – Ты звал меня, и я пришла. Ты хочешь узнать свою судьбу, и ты ее узнаешь. Пусть в сердце твоём не будет обид. То, что можно изменить, ты создал или создашь своими руками. То, что нельзя изменить, создано силами, которые выше нас. Пусть дух твой ищет тропку между скалами жизни – вот и вся судьба человека. Ты запутался и заплутал на своей тропе. Я помогу тебе.

Норна шагнула в черный круг и присела прямо на камень возле рассыпанных рун. Ее лицо теперь оказалось прямо напротив лица Кара, на расстоянии вытянутой руки. Он хотел отодвинуться, но не мог. Ее лицо властно притягивало взор. Вполне обыкновенное лицо молодой женщины, довольно красивое, но какое-то затененное, неподвижное, мертвенно-спокойное.

Протянув правую руку, норна перемешала руны, и все они как-то сразу оказались знаками вниз. Рука у нее была тонкая и в свете луны казалась сероватой, как и лицо. Эта рука была искусно вырезана из камня, такая в ней ощущалась сила, твердость и уверенность.

– О чем ты хочешь узнать? – спросила норна.

Она взглянула на Кара, и ее правая бровь приподнялась. А у него язык одеревенел, и только дрожание ресниц взывало: зачем тебе мои слова, ты же сама все знаешь обо мне!

– Нет, – сказала норна, конечно, прочитав его мысли. – Я все знаю, что мне нужно знать, но ведь узнать хочешь ты, а не я. А чтобы понять ответ, нужно сначала понять свой вопрос. Назови его. Ты должен его знать.

Кар с усилием отвел взгляд от ее каменного лица и попытался собраться с мыслями. Это вышло легче, чем он ждал: он столько раз наедине с собой перебирал свои обиды на судьбу и свои требования к ней, что слова пришли быстро.

– Я хочу знать, как мне обрести истинную силу и добиться власти, – хрипло сказал он, плохо понимая сейчас, что все это значит.

– Власти над кем? – строго спросила норна. – Над людьми или над собой?

– Над людьми.

– Этого не бывает без власти над собой. Без власти над собой властитель над другими будет деревянным богом, внутри которого гнездятся змеи и жабы, и власть его – призрак. За ним стоят тролли и правят по своей воле.

– Я хочу разбудить свою силу, если она есть во мне. Я хочу, чтобы никто не смел стоять на моей дороге ни в большом, ни в малом. Тогда у меня будет власть и над собой, и над другими.

– Ты хочешь много! – протянула норна и усмехнулась.

Усмешка у нее была горькая и задорная разом. Правый уголок рта заметно приподнялся, в ее лице промелькнуло что-то живое, но Кара от этого опять пробрала дрожь. Норна все время менялась. Но разве судьба бывала неизменной?

– Ты хочешь очень много! – выразительно повторила она. – Сила в большом дается лишь ценой бессилия в малом. И наоборот. Даже Один не властен во владениях Хель. Но попробуй. Никому не запрещено пробовать. Смотри.

Норна слегка взмахнула рукой над рассыпанными рунами, и одна из ясневых палочек вспыхнула ярким багровым светом. Норна взяла ее и отложила в сторону. Кар зачарованно смотрел, как легко и охотно руны отзываются небрежному движению ее сероватых тонких пальцев, отзываются горячей вспышкой своего истинного цвета. Вторая – фиолетовая, третья – белая, четвертая – красная, пятая – голубая. Норна разложила три первые в ряд слева направо, четвертую поместила сверху над второй, а пятую – снизу тоже под второй.

– Теперь смотри, – сказала норна.

Она слегка коснулась второй руны, лежащей в самой середине расклада – руны настоящего. На ясеновой палочке ярким фиолетовым светом загорелась перевернутая руна «фенад». К норне она была обращена прямо, но Кар увидел перевернутую, и сердце в нем болезненно ёкнуло.

– В твоей душе нет покоя, – произнесла норна, зорко глянув на Кара, точно заглянула ему в душу и удостоверилась в правдивости руны. – Тебя беспокоит потеря. Ты лишился чего-то важного. Может быть, кто-то не верит тебе? А может быть, ты сам себе не веришь? Скорее, так. Поверь сам – и то, во что ты поверишь, станет правдой. Хотя бы для тебя одного, но ведь и это много. И ты создашь свой мир, если в зримом мире нет правды для тебя. Это важно. Важно – не жить во лжи. Запомни это.

Кар молчал. Тонкая рука норны открыла дверь, в которую сам он боялся заглядывать. Все эти годы он хотел быть колдуном. Но верил ли, что может? Убеждал себя, что да, а сам не верил. Лгал. Себе и людям.

Норна двинула пальцами, и на палочке, что была вынута первой, багровым светом загорелась прямая руна «торн». Знак Мйольнира, молнии Тора, грозы великанов, дышал уверенной и горячей мощью; мысль об этой мощи подбадривала и вдохнула было новые силы в душу колдуна, но тут же наполнила страхом: от разящего пламени небес нет спасенья.

– Это – твое прошлое, – сказала норна. – Смотри: это то, что привело тебя ко мне. Твои враги сильнее тебя. Ты слаб, и знаешь об этом.

Да, это так. Его враги всегда были сильнее него и тем заставили его мечтать о силе. В памяти мелькнуло позабытое было лицо Ари Рыжего, и теперь Кар видел его так ясно, будто Ари со своим веснушчатым носом и улыбкой от уха до уха опять был перед ним. Даже рубашка на нем была та самая, серая с синим поясом, как в тот вечер «кукушкиных гуляний» двадцать лет назад, в тот прохладный и обольстительно-душистый весенний день, когда Ингрид (вот как ее звали), ушла плясать с Ари и не вернулась. Никогда. Потом... Рам Резчик, что оскорблял Кара уже тем, что не испытывал сомнений в себе. Даже получив дурное предсказание о судьбе ребенка, он и то не испугался, а поверил, что изменит судьбу... А теперь этот наглый мальчишка, барландец по имени Гельд, уверенный, что болтовней и ухмылками подчинит себе Даллу и оттеснит Кара от ее сына, будущего конунга... Да, ему нужна сила, чтобы одолеть их всех!

– Вот это – поможет тебя. – Под рукой норны четвертая, верхняя палочка загорелась красной руной «тюр», тоже прямой. – Это сила, которую ты найдешь в себе. Судьба и боги не отказали тебе в ней. Они не отказывают в силе никому. Не одна, так другая дарована каждому. Один легко найдет ее в себе и пустит по верной дороге, а другой проблуждает тридцать лет в потемках и выпустит наружу свою силу, быть может, вместе с кровью. Но стоит ли жалеть крови, если впереди – твоя цель? Это – твоя истинная воля. Открой для нее глаза, и жизнь твоя изменится. А вот это... – Движение ее руки зажгло голубую перевернутую руну «лаг» на пятой, лежащей снизу палочке. – Руна «лаг»! – воскликнула норна, как будто ее это тоже задело. – Да это женщина! И женщина эта недобра. Боюсь, она предаст тебя. И здесь ты ничего уже изменить не можешь. Ты опоздал. Но посмотрим...

С трудом оторвав взгляд от голубой руны «лаг», Кар посмотрел на сероватую руку норны. Далла изменила ему, едва он оставил ее без присмотра. Но он не мог не поехать сюда, на Раудбергу. Пусть она еще хоть трижды предаст его – теперь он сможет справиться с ней.

На последней палочке мягко засветились белые линии, причудливо изломанные и образующие острый, многозначительный, коварный знак. Руна «перт», руна тайны, скрытых высших сил, которым надо довериться, потому что понять их – не в нашей власти.

– Вот и окончена твоя судьба, – тихо сказала норна. – Возьми свою силу и доверься той силе, что сильнее тебя. Она поможет. Поможет дорогой ценой, но о дешевом мы речи не ведем. Иди и сделай то, что сможешь. И когда смерть спросит тебя, что ты сделал, ты ответишь: «Я сделал все, что мог», И даже смерть не упрекнет тебя за то, что ты не достиг большего. Если ты не солжешь. Ни людям, ни богам, ни себе.

Норна поднялась и двинулась прочь, не прощаясь. Она уходила к дальнему краю площадки, откуда не было спуска, а только страшный обрывистый склон. Пять рун на платке сна-

чала ярко светились своими живыми огнями, манили взор переливами багрового, красного, белого, голубого, потом стали медленно меркнуть. К тому времени, как фигура норны исчезла между камнями, руны погасли. Кар остался один на огромной пустой площадке в окружении молчащих валунов. Только полная луна смотрела на него с неба. Все было как в начале, и хотелось спросить: а приходила ли она к нему, Дева Судьбы?

Собрав свои руны и нож, колдун ушел из святилища и исчез на темной тропе, ведущей вниз, к усадьбе Кремнистый Склон, к людям.

Квиттинская ведьма по имени Хёрдис еще долго стояла над обрывом горы и смотрела в океан мрака, лежащий под Раудбергой и упирающийся в самый край мира. Она стала так могущественна и мудра, она знает столько всяких истин. Она знает даже то, что неудержимый поток жизни, сплетенный из мириад самостоятельных ручейков, каждый миг окрашивает одни и те же руны в совсем разные цвета. Она так много знает о других. И только одного она не знает: как ей выбраться из ловушки, тропу в которую проложила она сама, как ей вернуться к себе?

* * *

Всю ночь усадьба Нагорье не спала и весь день провела в разговорах об оборотне. Хозяйка сидела на лежанке, отчаянно сжимая в руках свое огниво, и не находила в себе сил даже выйти во двор. Гельду самому пришлось позаботиться о хозяйстве: напомнить служанкам о еде и коровах, послать работников за дровами, а двоих отправить на Горбатую гору к стаду бывшего Ульва. Работники дрожали от страха перед чудовищем – а вдруг оно вернется и перережет всех овец с пастухами заодно? Но Гельда после ночи они стали так уважать, что не смели ослушаться. Он своей рукой начертил на запястье каждого по руне «торн», которая так хорошо послужила ему самому, и работники ушли, отчасти успокоенные. А уж насколько хорошо «торн» послужит им, будет зависеть от них самих.

Двоих погибших сожгли, потому что иначе они, убитые оборотнем, непременно стали бы выходить из могил. Весь пепел очага Гельд сам перебрал, но никакого амулета не нашел – тот сгорел бесследно, и узнать, за что погибли Вадмель и Лодден, оказалось невозможно. Кто-то из челяди бранил их за глупую жадность, а кто-то провожал с благодарностью: не заставь они оборотня проявить свою сущность, еще неизвестно, что натворил бы ночью он сам. Ведь не зря он напросился ночевать в дом! И подумать жутко!

Занимаясь всем этим, Гельд неотступно думал о своем деле. К «злому железу» подбираются квитты, а теперь еще и Медный Лес показывает зубы. Слишком много грозных противников против одной руны «торн». Пора уносить отсюда ноги. А если удастся, то не только ноги. Вот как раз тот самый случай: надо ковать железо, пока горячо. Пока не вернулся Кар и пока Далла не опомнилась от всех пережитых страхов.

Отправив мужчин по делам и велев женщинам болтать потише, Гельд сел на лежанку рядом с Даллой. Она встретила его бледной, немного вымученной улыбкой. Прошедшая ночь оставила в ней сильное чувство страха, неуверенности, беспомощности и какого-то стыда. Гельд очень вырос в ее глазах, и ей хотелось прочнее заручиться его покровительством. Далла очень редко ощущала, что нуждается в покровительстве, и это стыдливое чувство не задерживалось в ее душе надолго, но сейчас был как раз такой случай.

– Я все время думаю об этом оборотне, – начал Гельд. Собственно, этого можно было и не говорить, потому что весь дом думает об оборотне, но надо же с чего-то начать? – Я уверен, что его послала к тебе ведьма Медного Леса. Ты ведь слышала о ней?

– Да. – Хозяйка кивнула. – Это дочка Фрейвида Огниво... от рабыни. А еще говорят, что ее настоящий отец – тролль.

– Очень может быть. – Гельд тоже кивнул, потому что уже слышал «ругательную песнь о Хёрдис» от Асвальда Сутулого. – Но для нас важно не то, кто был ее отцом, а то, чего она хочет от нас.

– Она хочет чего-то от нас? – По привычке притворяться и скрывать истинно важное Далла изобразила удивление, но потом опомнилась и неохотно призналась: – Наверняка... Ей нужно мое огниво. Это родовой амулет ее отца. – Нехотя Далла разжала ладонь и показала Гельду совершенно непримечательное огниво, вроде того что можно увидеть на поясе у любого раба.

– А как оно к тебе попало?

– Оно было у Фрейвида. А когда его... когда он погиб... мой брат Гримкель был при этом, и он его забрал. А потом я забрала, потому что это огниво – для женской ворожбы, мужчине от него никакого толка. А мне же нужно... чем-то защитить себя и ребенка. А ведьма, наверное, хочет опять его заполучить.

«Тогда очень неосторожно держать его у себя!» – хотел сказать Гельд, но вовремя остановился. Он вспомнил, как ночью Далла едва не влезла в зубы к волку, пытаясь спасти это огниво. Она с ним не расстанется ни за что.

– Как видно, ей не нравится, что с его помощью ты выплавляешь «злое железо», – сказал Гельд. Этого он не мог знать точно, но быстро связал в уме пристрастие Даллы к огниву и железу. – Она не хочет, чтобы железом Медного Леса владел кто-то еще. Ты не знаешь, как она расправилась с фьяллями, когда они пытались собирать дань? Я встречал кое-каких фьяллей, кто там был... Хочешь послушать?

Во время всего рассказа о Гутхорме Длинном и рыжих змеях, в которых уползла обратно в землю вся добыча Асвальда, Далла молчала и смотрела на свои руки. Она не хотела показать, как ей страшно. Впервые она задумалась над тем, что у железа усадьбы Нагорье имеется еще один хозяин, и значительно сильнее ее. Себя она ощущала чуть ли не воровкой, но мучил ее не стыд, а лишь страх наказания. При всей самоуверенности Далла не считала себя достойным противником для ведьмы Медного Леса. Тут ведь не знаешь, откуда ждать беды! От всего не убережешься!

– Я боюсь, что сохранить это железо тебе будет труднее, чем добыть его, – добавил Гельд. – Если опять явится Ингвид... Да еще если он сумеет договориться с великаном, то твое железо от тебя уйдет. Его можно спрятать от людей, но нельзя спрятать от ведьмы. Она позовет – и оно откликнется ей таким голосом, что у нас у всех заложит уши.

Далла сжимала в руках огниво и беспокойно оглядывалась, чувствуя, что обложена бедами со всех сторон. С одной стороны к ее сокровищам протягивает руки ведьма Медного Леса, а с другой – мерзавец Ингвид Синеглазый. А она совсем одна, несчастная вдова с маленьким сыном, которому еще десять лет расти...

– Но что же делать? – наконец спросила она и обиженно посмотрела на Гельда. – Я не могу примириться с тем, что меня ограбят всякие ведьмы и прочие. Это мое железо! И огниво тоже мое! Я сама их добыла и никому не отдам!

– Такая твердость духа делает тебе честь! – ответил Гельд, усиленно стараясь изобразить восхищение. Но озабоченность, которая прозвучала в его словах еще яснее, тоже была кстати. – Только я боюсь, что на прежнем месте, в Медном Лесу, сохранить железо будет слишком трудно.

– Но куда же его девать? Не на Острый же мыс, подарить предателю Гримкелю! Да лучше я его в море побросаю!

– Лучше всего было бы, если бы ты согласилась вывезти его отсюда и продать, пока его не вывез кто-то другой... И пока оно не уползло. А если оно уползет уже от того, кто его купит, то это его беда, верно? – Гельд улыбнулся, и Далла неуверенно улыбнулась в ответ. – У тебя

останется его стоимость, и ты всегда сумеешь опять обратить ее в оружие. Когда для этого придет время.

Далла задумалась. Как ни была она напугана, ей было нелегко решиться на расставание с железом: она слишком привыкла видеть в нем залог своего могущества. Гельд молчал: если он сам предложит себя в исполнители задуманного дела, Далла усомнится. Пусть она дозреет до этой мысли сама. А Далла колебалась и с неудовольствием поджимала губы. Гельд медленно прохаживался перед лежанкой, Далла беспокойно следила за ним глазами: это движение побуждало ее думать быстрее и слегка тревожило.

– Но как это сделать? – обиженным голосом спросила она наконец. – Как я могу его продать? Куда его везти?

– Я могу одолжить тебе мой корабль, – не сразу ответил Гельд, и на лице его отражались тревожные колебания. – Конечно, он мне очень дорог, но для тебя... Дело того стоит. А продать можно хоть в Эльвенэсе... Нет, показывать сокровища слэттам не следует. А вот у граннов или у тиммеров за него дадут хорошую цену.

– Но как... я сама... – Далла растерялась. Мысль о том, чтобы покинуть усадьбу и пуститься в плаванье, казалась ей невероятной. – Нет, мне самой не пристало... И не могу же я послать Кара, этого старого дурака, который даже считать не умеет... О!

Почувствовав ее взгляд, Гельд остановился и повернулся, глядя на Даллу сверху вниз. Когда он стоял, а она сидела, ее бледное личико казалось совсем маленьким и детским. Гельда вдруг поразило противоречие между детским личиком этой женщины и ее великаньим самомнением. Все в ней было – разлад, и потому все ее усилия не могли принести счастья никому, и в первую очередь – ей самой.

– Послушай! – Далла вскочила и обеими руками схватила руку Гельда, даже прижалась к нему боком, как кошка, когда она трется о ногу хозяина, умильно вымаливая плешечку молочка. – А если бы ты сам мог взяться за это дело? – тихим голосом маленькой девочки попросила она, снизу заглядывая в лицо Гельда.

Она так давно никого ни о чем не просила, но ей помнились времена, когда она и правда была маленькой и добиться чего-то от своих суровых родителей могла только так. Мягким послушанием можно было усыпить бдительную строгость матери, и отец, Бергтор Железный Дуб, делался мягче воска от умильного взгляда своей миловидной дочки.

– Я? – Гельд поднял брови, но тут же как бы сообразил и взялся за подбородок. – Конечно, дело это нелегкое...

– Но разве ты с ним не справишься?

Ласковый взгляд выражал уверенность, что он справится с чем угодно. Теперь Гельд понял злополучного Вильмунда конунга: пылкий, но не слишком дальновидный парень с опытом всего лишь восемнадцати лет жизни не мог устоять перед гибкими и лстивыми приемами этой женщины.

– Пожалуй... – сдаваясь, протянул Гельд. – Но я не хотел бы, чтобы из-за моей неудачливости ты понесла какой-то убыток. Если у меня хватит средств, я заплачу тебе за весь товар сейчас. У тебя останется товар, а дальше я уж сам буду торговать, как сумею. И если мой корабль разобьет о камни, это уж будет моя неудача.

Далла радостно улыбнулась. Это даже лучше, если ей не грозит убыток. Ее пальчики скользнули по золотому обручю Гельда и ласково, с намеком его погладили. На бледном лице появился румянец, глаза игриво заблестели. Гельд вздохнул про себя. Да, с обручем придется попрощаться. Сколько же у нее железа? Хватит на весь тот товар, что он привез с собой? Ну если окажется, что он тут месяц ломается ради двух-трех криц...

До самого вечера Гельд, Бьёрн и прочие барландцы занимались пересчетом железа и своих товаров. Две большие клетки во дворе были набиты железными крицами до самой крыши, так что Гельд с тревогой думал, как они все это повезут. Первым делом Далла потре-

бовала в уплату золотое обручье и, конечно, получила его. Потом в дело пошел красный шелк с золотистыми цветочками, потом застёжки, потом гребень с драконами на спинке, потом медные большие блюда с чеканным узором из диковинных листьев и плодов. Переглядев все сундуки, Далла в итоге получила все и сами сундуки в придачу. Сумеречное будущее богатство мигом превратилось в богатство настоящее, и уже этим вечером хозяйка Нагорья сидела на лежанке, покрытой новым ковром из разноцветных кусочков меха, с золотым обручем на руке и новыми круглыми застёжками на груди.

Лицо ее сияло ярче золота, и сейчас она казалась почти красивой. Она была богата и счастлива. А до тех пор пока Бергвид вырастет и ему понадобится оружие, она раздобудет новое железо. Ведь огниво остается у нее! Так почему же матери будущего конунга не порадовать себя, если время его подвигов еще не пришло? Разве она мало сделала для своего сына?

Гельд предупредил ее, что ему придется уехать прямо завтра, но она была так полна своим счастьем, что вовсе не огорчилась. Гельд вздыхал про себя, сам же над собой смеясь: уж не думал ли он, что эта женщина и вправду его полюбит? Кажется, вполне разобрался, что она умеет любить только себя саму, а всех других – лишь в той мере, в какой они могут быть ей полезны. От Гельда же она теперь получила все, что хотела. Понимая это, он, однако, не мог избавиться от чувства разочарования. Видя чужие недостатки, мы в глубине души все-таки ждем, что для нас будет сделано исключение. Такова уж человеческая природа. Сколько сил он ей отдал – и все зря?

Нет, не все. Завтрашнего дня для Даллы не существовало, но сегодня Гельд был для нее вовсе не лишним.

– Посиди со мной! – звала она Гельда, который даже в темноте все еще бегал по двору, распоряжался, проверял то ноги лошадей, то прочность волокуш, на которые грузили железо. – Ведь только норны знают, когда мы теперь увидимся!

«Скорее всего, никогда!» – мысленно отвечал Гельд и вздыхал при этом совершенно искренне. Он был рад, что завтра наконец вырвется из «страны свартальвов», стремился отсюда всей душой и уже ощущал дуновения свежего морского ветра. Но ему было жаль оставлять Даллу, хотя, конечно, хорошего в ней мало. Он просто привык к ней и ко всем ее недостаткам, как привыкал к любому человеку, с которым проводил сколько-то времени. В этом и была простая тайна тех любви и дружбы, которые он внушал самым разным людям. Он готов был каждого принять в свою душу, умел понять нрав и заботы каждого и сочувствовал им, как своим собственным. Он был искренен в своем дружелюбии, и потому любовь доставалась ему вовсе не задаром. Глядя на довольную Даллу, он жалел ее, потому что она-то оставалась здесь, и это отравляло ему радость от исполненного поручения, от освобождения из этого унылого места, даже от будущей встречи с Эренгердой. Он лучше самой Даллы понимал, каким недолгим будет ее счастье, принесенное золотым обручем. Разве дракон Фафнир на ложе из чистого золота был счастлив хоть на волосок? Холодно там и жестко, ну его совсем...

– Посиди со мной! – просила Далла, ловя его за руку, и он наконец послушался, сел рядом с ней.

Больше месяца они играли в хитрую и дурацкую игру: он хотел раздобыть железа и делал вид, будто добывается ее любви, чтобы когда-нибудь она сама предложила ему железо. А она хотела его любви, но скрывала это, чтобы он и дальше ее добивался. И раз уж она исполнила его желание, почему же ему не исполнить ее? Иначе будет просто нечестно. А он уже достаточно долго был нечестным!

Рано утром, еще в сумерках, барландцы выехали из ворот усадьбы Нагорье. Каждая из запасных лошадей тащила волокушу, нагруженную железными крицами. Как раз хватит, чтобы корабль не потонул.

Гельд ехал последним и позевывал на ходу, передергивая плечами от утреннего холода. Он не хотел оглядываться на дом, где осталась хозяйка Нагорья. Ему нужно было ехать, и ехать

быстрее, чтобы не лишиться добычи, за которую он честно заплатил настоящим золотом, серебром и шелком. Это золото не злое и не доброе, оно просто золото, а принесет ли оно счастье своей новой хозяйке, будет зависеть только от нее.

Уже на перевале он все-таки не выдержал и оглянулся. Четыре дома, составленные углами, темнели на склоне, и даже дым не указывал на то, что это обиталище живых людей. Жаль оставлять ее там одну. Но ничего тут не поделаешь. Эта женщина никогда не найдет себе настоящего защитника. Если бы такой и явился, она не сможет его оценить. А значит, ей придется прожить жизнь с той единственной ценностью, которую она ценить умеет – с самой собой. И в любом месте обитаемого мира она будет одна.

* * *

Когда Кар Колдун вернулся в усадьбу Нагорье, ему не пришлось долго раздумывать, какое же женское предательство предсказали ему руны.

– Хозяйка продала все железо! – боязливо шепнул ему старый Строк, принимая коня возле ворот.

– Кому? – изумился Кар. – Разве Ингвид Синеглазый опять был здесь?

– Нет. Она продала барландцу... – Строк оглянулся на двери хозяйского дома. – Гельду. И он сразу уехал.

Кар промолчал, потом двинулся к дому.

– А, вот и ты! – с унылой приветливостью встретила его Далла, сидевшая на лежанке с каким-то долговременным шитьем на коленях.

В последнее время она рукодельничала еще неохотнее обычного. Делая стежок за стежком, она то и дело по привычке бросала взгляд на то место, которое столько дней занимал Гельд, и пустота этого места была для нее как удар, не слишком сильный, но причинявший каждый раз все новое разочарование. Мрачный и ворчливый Кар был плоховатой заменой Гельду, но после десятидневного отсутствия его возвращение внесло хоть какое-то оживление, и Далла не была огорчена.

Не ответив на приветствие, Кар остановился напротив нее и внимательно осмотрел хозяйку вместе с лежанкой. Поняв, что самое главное он знает, она приподняла руку и повертела перед ним золотым обручем.

– Видел? – горделиво спросила Далла. – Вот что я приобрела, хоть ты и не верил! А ведь ты мог бы и вовсе не застать меня в живых!

– Не знаю, не к лучшему ли это было бы! – сурово ответил Кар.

Далла перестала улыбаться и изумленно раскрыла глаза. Что за наглость?

– Я вижу, ты свихнулся там, на Раудберге! – резко ответила она. – Если тебе не нравится что-то в этом доме, зачем было возвращаться? Оставался бы там, с великанами!

Она и правда кое-что видела. Кар удивительно изменился. Раньше за ним не водилось привычки стоять так самоуверенно и нахально, расставив ноги и упираясь руками в бока. Прежде он смотрел исподлобья, а теперь его взгляд был прям, уверен и даже... пренебрежителен. И так-то он смотрит на нее?! С ума сошел!

– Я вернулся... – Кар был полон решимости отстоять свое место именно в этом доме, и теперь верил, что сумеет. – Я вернулся... потому что кто-то другой тебя покинул, я вижу. Неужели правда то, что я узнал?

– Что? – Далла прямо и отважно встретила его горящий взгляд. И содрогнулась в душе: в глазах колдуна появилась какая-то новая настойчивая сила, которой раньше не было.

– Что ты отдала все железо этому проходимцу! – завопил Кар, больше не в силах сдерживаться. – Что ты позволила одурачить тебя, как глупую овцу! Что он тебя ограбил!

– С чего ты это взял? – возмущенно крикнула Далла. – Придержи язык, старый баран!

У нее мелькнула мысль, что все это колдун разузнал ворожкой на Раудберге, и на душе стало неуютно. Она усомнилась в выгодности своей сделки, но подать вида не хотела.

– А разве это не так?! – ответил колдун, не теряясь перед ней, как терялся, бывало, прежде.

– Не так! – Далла даже хлопнула ладонью по покрывалу лежанки, точно припечатала все возражения. – Я не отдала! Я про-да-ла мое железо! Мое, а не твое, и не знаю, о чем ты беспокоишься! Я получила хорошую цену! Вот это, – она снова ткнула колдуну в глаза своим обручем, – это еще не все! Это только часть! Я не знаю, где еще взять такую цену! Теперь я могу жить так, как подобает матери конунга! И никто, ни Ингвид, ни ведьма, больше ничего у меня не отнимут!

– Зачем ты не послушалась меня!

– Я тебя послушалась! – Далла вспомнила кое-что и закричала с удвоенной силой. – Я послушалась тебя, когда к нам явился этот проклятый оборотень! Что чуть было не отправил в Хель меня и всех тут!

– Какой оборотень? – Кар слегка опешил, подумав, не Гельда ли она имеет в виду.

– Тот пастух, что назвался Ульвом! Он был оборотнем! Этого ты не знаешь? Этого ты не нагадал на Раудберге! Или нагадал? Или ты нарочно присоветовал мне его нанять, а сам сбежал, чтобы в полнолуние он сожрал весь дом и меня первую! Так! Сознаться! Ты нарочно все это устроил!

По ошарашенному виду колдуна Далла поняла, что к появлению оборотня он не причастен, но не могла отказать себе в удовольствии обвинить его.

– Этот проклятый оборотень в полнолуние явился сюда в дом, остался ночевать, а в полночь стал волком! Он разорвал Вадмеля и Лоддена! И чудом не разорвал меня! Гельд спас весь дом, пока тебя тут не было! Если бы не он, оборотень погубил бы всех! Я имела причины ему верить! Он доказал мне свою преданность!

– Вот как? – Кар криво усмехнулся. Новость насчет оборотня неприятно поразила его, но главным его врагом был не оборотень, а Гельд. – Хорошо! – Он сбросил с плеч мешок прямо на пол и вытащил из-за пазухи мешочек с рунами. – Сейчас я тебе покажу, как ему надо было доверять.

Далла презрительно усмехнулась. Колдун расстелил на полу возле очага платок, когда-то бывший белым, а теперь сплошь покрытый темными пятнами засохшей крови. Платок, побывавший в жертвенном круге Раудберги, стал его новым амулетом. Далла смотрела, издевательски кривя губы, но в душе беспокоясь. Вид окровавленного платка наполнил ее жутью: Кар принес в ее дом могучие чары, которых раньше не имел. Он вернулся другим человеком, и Далла впервые испытала к нему нечто вроде боязливое благоговения. Как ни старалась она побороть это чувство и увидеть в своем управителе прежнего ворчуна, это ей не удавалось.

– Смотри! – Кар высыпал из мешочка руны, быстро перевернул все палочки гладкой стороной кверху, уверенно перемешал и так же уверенно выхватил одну из них.

Далла сжала руки на коленях. Такой прыти за колдуном не водилось все два года, что она его знала. Кар отложил в сторону вторую руну, потом третью. Выбирать их долго было незачем: они просто обжигали ему загрубевшие пальцы.

– Смотри! – снова потребовал он, метнув на Даллу горящий уверенный взгляд.

Кар перевернул все руны разом и торжествующе хмыкнул. Весь расклад был очень знаком и ясен. Перевернутая «тюр», перевернутая «кена», прямая «хагль». Рунный расклад почти совпадал с тем, что Кар уже вынул для Даллы однажды, но только из хорошего он сразу стал очень плохим. Повторение двух рун из трех не могло быть случайным следствием небрежного выбора, и с каждым мгновением Далле становилось все страшнее и страшнее. Ее страх, отражаясь на побледневшем лице, не ускользал от обострившегося взгляда Кара и питал его силу, как хворост питает огонь.

– Вот это – мужчина. – Кар ткнул пальцем в первую руну и снова глянул на притихшую и побледневшую Даллу, точно обвиняя. – Тот самый мужчина, которому ты так обрадовалась. Но только на сердце у него был обман! Он использовал тебя! Вот это, – он ткнул в перевернутую «кену», – не подарок, а потеря! Он не подарил тебе золота, а отнял твое железо! А вот это, – колдун указал на грозный «хагль», который еще лучше говорил за себя сам, – это та лавина, которую ты зовешь на свою голову и уже почти дозвалась! Ничего хорошего тебе ждать не стоит, и изменить что-то не в твоей власти! Ты не владеешь своим будущим! Ты отдала его, ты продала его за разные тряпки и побрякушки! И не знаю, долго ли тебе осталось жить!

– Перестань! – негодуяще воскликнула Далла, не в силах выдержать столько дурных пророчеств.

Она была растеряна и напугана и не знала, что подумать. Те же руны, что недавно предсказали ей радость, теперь перевернулись и отняли назад свои же обещания. Они ее предали!

– И я не поручусь, не ушло ли твое железо к твоим врагам! – напоследок прибавил Кар. – Ты не захотела продать его квиттам, а теперь оно, быть может, попадет к фьяллям! Иначе почему он молчал столько времени, ни разу не заикнулся даже о железе! Он подбирался к нему потихоньку, подползал, как змей! А зачем ему таиться, если собирался делать дело честно? У него была такая цель, в какой он никак не мог признаться! Он искал железо для наших врагов!

– Нет! – Далла не могла поверить в такую гнусность. – Он сказал, что продаст его у тиммеров или граннов!

– Ну, да, у тиммеров. А кто его там купит? Торбранд Троль, вот кто! Разве ты не знаешь, что он теперь рыщет по всему Морскому Пути, как голодный волк, в поисках оружия? Ты сама вложила ему в руки меч на твоего сына!

– Нет! – вскрикнула Далла.

Ее бледное лицо подергивалось, на нем отражалось мучительное желание немедленно вернуть все, как было, и не верить никому в этом гадком предательском мире. Пусть лучше железо вечно пропадает в кладовках, пусть заржавеет и обратится в прах, если нельзя быть уверенной, что оно не попадет в руки врагов! Пусть лучше остается в земле!

– Может быть, еще не поздно! – мрачно произнес Кар. – Может быть, его еще можно вернуть. Когда он уехал?

– Три ночи назад.

– Он едва добрался до берега! Он задержится в Речном Тумане, и там его можно догнать.

– Но кто это сделает? – Далла почти сердилась на колдуна, что он сбивает ее с толку, расстраивает и предлагает неисполнимые решения. – Где у меня дружина, чтобы вернуть мое добро? Не ты же...

– Я! – Кар для убедительности показал пальцем себе в грудь. Он видел, что Далла наконец-то готова подчиниться его воле, подчиниться полностью впервые за два года, и ради закрепления своей победы был готов свернуть годы. – Я это сделаю! И ты навсегда перестанешь со мной спорить! И я буду единственным воспитателем твоего сына! Единственным! Я подготовлю для Квиттинга нового конунга! Ты обещаешь мне это?

Далла растерянно кивнула. Если уж первому натиску удавалось разбить ее самоуверенность, то она поддавалась легко, как сломанная ветка (и лишь потом начинала прикидывать и тайком перестраивать замыслы к своей пользе). А Кар внезапно оказался сильнее, и от потрясения она стала сговорчивой. Она поддалась движению потока, как и советовал грозный и непреклонный «хагль», и предоставила действовать тем, кто считал себя сильнее.

* * *

Кар выехал в тот же день, лишь выбрав лошадь получше и уложив в мешок припасы на несколько дней. С собой он никого не взял. Три-четыре работника, которых могла выделить ему Далла, помогли бы мало, а он собирался воззвать о помощи к совсем иным, высшим силам. Так советовала ему белая руна «перт».

Но, как ни погонял коня Кар Колдун и как ни обгоняли его нетерпеливые мечты о торжестве мести, его соперник оказался быстрее. В усадьбе Речной Туман Кара встретило недоброе предзнаменование: первым, кто вышел ему навстречу, оказался Рам Резчик.

– Э, да это Кар! – воскликнул он, изумленно расширив глаза, и стремительно начертил в воздухе оберегающую руну «торн». – Или это твоя фюльгья? Или ты уже умер, и это твой беспокойный дух?

– Я не собираюсь умирать, а насчет других – не знаю! – злобно ответил Кар. Встреча с соперником и «торн» подействовали на него неприятно, и та мелкая злобливость, от которой он было избавился, снова вцепилась в его завистливое сердце. – Где твой приятель? Этот мошенник, которого ты привез к нам в усадьбу?

– Гельд? – Рам рассмеялся. – Можешь мне не рассказывать, почему ты зовешь его мошенником. Я сразу понял, что он парень не промах, но когда он явился сюда с железом, даже я удивился! Так провести тебя, да и твою хозяйку заодно: сам Локи не справился бы лучше! Он нам тут рассказал и про Ингвида с Юга, и про волка-оборотня! С оборотнем ты, Кар, дал маху, прямо скажу: чтобы не распознать оборотня, надо быть слепым! Ты как-то назвал его моим побочным сыном, так вот: я бы гордился, будь он моим сыном!

– Да уж! От своего-то ты избавился вовремя! – ядовито бросил Кар. – Где он?

– Мой сын? – Рам перестал улыбаться и взглянул на Кара с суровым вызовом. Этим предметом он никогда не шутил и не позволял никому другому.

– Барланец!

– Спроси у Ньёрда. Но я полагаю, что уже за устьем. – Рам махнул рукой на юго-восток, где широкий и короткий Токкефьорд открывался в море. – Они уплыли на рассвете, а сейчас уже за полдень!

– С кем ты тут споришь, Рам? – К ним подошел хозяин, Эйвинд Гусь, по привычке вытягивая шею.

При виде Кара его шея замерла, вытянувшись до предела, а глаза Эйвинда глуповато захлопали, хотя на самом деле он был человеком отнюдь не глупым. Колдун из усадьбы Нагорье так редко показывался на побережье, что про него почти забыли.

– Кар! – воскликнул он. – Кар Колдун! Вот так гость! Везет мне на гостей этой зимой! Ну, ты тоже расскажешь что-нибудь забавное? Про оборотней?

– У вас тут был оборотень! – крикнул Кар, выведенный из последнего терпения этой глупой и бесполезной болтовней. – У вас тут сидел оборотень и трепал языком, а вы слушали, разинув рты! Это барланец – сам оборотень!

– Не может быть! – Эйвинд сначала воспринял его слова всерьез. – Рам говорит, – он посмотрел на кузнеца, – что сам начертил у него на груди руну «торн» – будь он оборотнем, она бы сожгла его на месте, и кучки пепла не осталось бы! Да он бы и не дался!

– Да Рам распознает оборотней с первого взгляда! – добавила подошедшая Фрейдис хозяйка. – И не видела я такого, чтобы оборотни носили золотые обручья. Небось твоя хозяйка до смерти рада, что теперь оно у нее?

Кар плюнул на землю.

– Я приехал сюда не слушать вашу глупую болтовню! – заорал он, выходя из себя. – Я хочу знать одно: поможете вы мне остановить железо, пока оно не уплыло к фьяллям, или нет? Если нет, я справлюсь без вас, но вам же будет хуже!

– Как – к фьяллям? – переспросило сразу несколько голосов во дворе.

– Руны показали обман. Он увез наше железо к фьяллям, чтобы оно стало мечами против нас. Надо его догнать. У тебя же был корабль? – Требовательный взгляд колдуна уперся в Эйвинда.

Хозяева переглядывались. Эйвинд вытянул шею вперед, подумал, потом решительно покрутил головой.

– Да если он добывал железо для фьяллей, так разве его за Ягнячьим ручьем не дожидается пять кораблей? Как тогда, на Пастбищном острове, когда мы с Дагом сыном Хельги... Хродмар ярл с бронзовым флюгером на мачте... Нет, это не подойдет! – Эйвинд еще раз с завидной решимостью покрутил головой. – Я вам не Сигурд Убийца Дракона! Хеймир ярл со всех взял клятву: не ввязываться в драку с фьяллями ни по какому случаю, разве что они сами явятся ко мне в дом. Он сказал, что у него нет возможности спасти нас по три раза в год. А разве я такой дурак, чтобы искать себе беды на голову?

– Да и ты скажи, Рам! – Обеспокоенная хозяйка посмотрела на кузнеца.

Рам не ответил, лицо его казалось потемневшим. Его мысли были далеко отсюда, так далеко на дорогах прошлого, настоящего и будущего, что никто не мог за ним последовать.

Кар тоже молчал, сжав челюсти, будто зажал кончик хвоста удачи и ни за что не выпустит.

Возле крыльца вдруг страшно вскрикнул женский голос. Все вздрогнули и обернулись.

– Вон, вон! – Бледная, как кость, помешанная Гальни безумными глазами смотрела на пустое место в середине двора и держала ладони с расставленными пальцами перед грудью, то ли умолая, то ли творя какую-то безумную ворожбу. – Тролль! Тролль! Волчий... волчий оскал... Вырвался, вырвался... Уйди! Уйди! Зубы... Глазами грызет...

И все во дворе, застыв, как замороженные, слушали ее бессвязные речи. Перед глазами вставал неясный, но отвратительный и угрожающий образ: нечто серое, косматое, расплывчатое, с длинной, противно вытянутой мордой, оскалившее острые зубы, смотрящее желтыми жадными глазами с черными точечками крошечных зрачков. Фрейдис хозяйка стиснула руки и прижала их к груди, как перед большой опасностью.

Лицо Рама внезапно из замкнутого стало злым, он дернул головой и хотел крикнуть помешанной что-то резкое, отрезвляющее, но она вдруг разрыдалась, закрыла лицо руками и бросилась в дом. В ее плаче слышалось безысходное, болезненное отчаяние существа, которому нет спасения. Тролли не оставят ее в покое, пока она не умрет.

Хозяева переглянулись, Эйвинд Гусь скривился.

– Надоела она мне! – с досадой пожаловался он. – Пора ее дальше провожать. Не могу больше про троллей слушать. Скоро сам начну их видеть.

Кар вдруг хмыкнул. Все посмотрели на него.

– Держи ее дома, сколько она захочет! – велел он хозяину. – Она ясновидящая!

– Помешанная она, а не ясновидящая! – досадливо возразила Фрейдис хозяйка. Долг гостеприимства уже стал обременять ее. – Только троллей нам и не хватало!

– Она видит то, что есть! – сурово ответил Кар. – Это вы видите людей вместо троллей! А она видит троллей, как они есть!

Не прощаясь с хозяевами, он вскочил на своего коня и поехал со двора, так и не зайдя в дом.

Свернув на тропинку к морю, постепенно Кар стал погонять коня и скакал все быстрее и быстрее. Он сам еще не знал, что хочет делать, но мысль о том, что враг все-таки ушел, была нестерпима. Казалось, что внезапно обретенные силы помогут его как-нибудь задержать. Зачем он потерял столько времени на том глупом дворе! Да не так уж и много! Уплыл на рассвете!

К ночи он будет на Квиттингском Юге, где хозяйничают фьялли! Может, за Ягнячьим ручьем его ждут корабли Торбранда Тролля. Неужели он уйдет, мальчишка, взявший верх над колдуном Каром... Нет! Только над старым Каром. Над новым Каром, побывавшим в святилище Раудберги и говорившим с норной, ни один человек не возьмет верха, никогда!

Кар мчался по каменистой тропе вдоль берега к устью фьорда, все меньше и меньше замечая окружающее. В его памяти ожила ночь, лунный свет, заливший широкую площадку, молчаливые лики стоячих камней. Океан мрака внизу, синее пространство неба с косматыми облаками наверху, такое близкое, изливающее потоки силы на него, пришедшего за силой... Тот Кар, что родился возле черного круга жертвенной крови, возник снова, и колдун сам себе казался вихрем, готовым смести все преграды. Вот так же он может мчаться над землей и над морем, как ветер, что летит своим путем и не смотрит вниз...

Не помня себя, Кар вылетел на мыс возле устья фьорда, но тут был вынужден придержать коня. Перед ним расстиралось море: серое, почти гладкое зимнее море, равнодушное, глухое. Эта пустота чужого пространства разом оглушила и отрезвила Кара. Здесь начиналась новая стихия и новая сила, над которой Кар и даже сама Раудберга не имели никакой власти. Это обитель Ньёрда, Эгира и девяти его дочерей, морских великанш. Они сами правят своим миром.

Соскочив с коня, Кар подбежал к самому краю каменистого обрыва и жадно окинул взглядом морскую даль, будто надеялся увидеть корабль. Зацепить бы его хотя бы взглядом, а там он уж как-нибудь притянет его назад! Напрасно. За полдня корабль скрылся из глаз, теперь его увидит разве что орел Хресвелг, Пожиратель Трупов, что сидит на краю небес и крыльями своим рождает бури.

Кар стоял на краю, ноги его скользили на мокром камне, пронзительно-холодный ветер трепал волосы, задувал в глаза, мешал смотреть. Ветер отталкивал его от обрыва, гнал прочь от моря, точно хозяева влажной стихии понимали, что чужак пытается вмешаться в их дела. Кар отводил волосы руками, наклонял голову, и его упрямо тянуло вперед, к морю, точно он стучал в дом, где его не желают принимать. Хотелось идти вперед, точно своим движением он мог отодвинуть границу своего бессилия. Но тропа обрывалась, внизу была пустота. Отступить – значит признать, что мальчишка обманул его и ушел безнаказанным. Неужели сила, подаренная Раудбергой, окажется бесполезной? Неужели она не властна над этим серым движущимся пространством? Нет! Нет!

– Вы не оттолкнете меня! – сначала тихо, а потом все громче и громче заговорил Кар, обращаясь к силам морской стихии и не помня сейчас их имен. В голосе его звучало скорее требование, чем просьба, и это придало ему уверенности, напомнило все то, что он приобрел. – Я не отступлю! Я не поддамся! Мои враги сильнее меня? Нет! Я сильнее моих врагов! Я разбудил мою силу! Больше она не заснет! Больше она никогда не будет спать! А я больше никогда не буду отступать! Я велик! Я силен! Я сильнее всех! – орал он навстречу морскому ветру, и голос его смешивался в ревом ветра, так что он сам почти не слышал себя и оттого старался кричать все громче. Его лицо дико исказилось, волосы бились и вились на ветру, и сам он стал похожим на морского великана, который втиснул исполинские силы в кувшинчик тщедушного, тонконового человеческого тела. – Я выше горы! Я быстрее ветра! Я шире моря! Гора отдала мне силу! Небо отдало мне силу! Земля отдала мне силу! И море отдаст! Отдаст! Я требую! Я отдам... все! Все, чем владею, но я получу силу! Получу! Так сказала норна! Такова моя судьба! Я получу!

Ветер подхватил его и нес на могучих крыльях, камень крошился от тяжести великана. Кар не видел больше ничего: его глаза затуманило боевое безумие берсерка; исполинская мощь, так долго им желанная, растекалась по жилам, словно наконец-то прорвала запруды, где копилась двадцать лет. Как первая весенняя буря, что с диким ревом и грохотом сметает остатки льда, она смела все, что оставалось от прежнего Кара.

– Я хочу, чтобы мой враг не доплыл до берега! Никогда! – вопил колдун, сливаясь с силами стихий, и ветер стал продолжением его желаний, истекая прямо из его рвущегося сердца. – Никогда! Пусть море растерзает его корабль, раздавит его, разметет обломками! Пусть его выловит сеть Ран, пусть морские великанши задушат его своими холодными руками! Я так хочу! Я, Кар, сильнейший колдун! Вот мое заклятье! Вот моя воля! И ты исполнишь ее!

Выхватив из-за пояса свой драгоценный и священный нож, Кар вскинул его над головой, точно грозил хозяевам моря. И какая-то огромная рука, невидимая рука ветра, крепко сжала его пальцы вокруг костяной рукояти ножа. Чужая воля, много сильнее человеческой, завладела его разумом и отдала свой властный приказ. Уже не осознавая себя, слившись в сознании с этой стихией, Кар повернул руку с ножом и с силой полоснул себя по горлу.

Струя темно-красной блестящей крови упала с обрыва вниз и мигом была разметана ветром, разнесена и смешана с мириадами холодных влажных капель, летящих в воздушных потоках, пляшущих в морской пене, бьющихся о камни. А следом рухнуло с обрыва и тело колдуна. Дикие волны мгновенно сомкнулись над ним, точно и само тело растворилось в пучине.

А ветер, вызванный и оскорбленный волей чужака, ярился все сильнее. Буря вскипала в глубине и поднималась все выше; серые волны забились возле камней, по поверхности покатились валы, дух бури взвился между водой и небом и с ревом полетел, перемешивая то и другой в сплошную смертоносную круговорот. Морские великанши приняли жертву.

* * *

После полудня Бьёрн, в плавании всегда сидевший на месте кормчего, заметил что-то неладное.

– Лет двадцать пять лет тут хожу, а не помню, чтобы перед Ягнячьи ручьем было такое сильное течение! – крикнул он Гельду на нос корабля.

– Какое течение? – крикнул в ответ Гельд.

Гребцы недоуменно поворачивали головы. Все они ощущали странное противодействие воды: «Рогатую Свинью» сносило к берегу. Как ни налегали они на весла, корабль неудержимо двигался к темнеющей слева кромке скал, над которой поднимался еловый лес.

– Нас сносит, ты не видишь? – прокричал Бьёрн от рулевого весла. – И в небе мне что-то не нравится! Посмотри на те облака! Сильно похоже, что надвигается буря.

– Вчерашний закат, помнишь, был хороший! – крикнул Гельд, стараясь казаться по обыкновению бодрым.

Он и сам замечал, что весло повинуется ему хуже обычного: какая-то непонятная сила противилась усилиям его рук. Передний штевень «Свины» уже развернулся к берегу, хотя ее направляли совсем не туда.

– Что за дела? – бранились гребцы. – Весла как рвет из рук!

– А ну давай, налегай! – покрикивал Бьёрн, но его голос было трудно было различить.

Ветер усилился, на поверхности волн появились неприятные барашки пены. Буруны бились вокруг подводных камней, что жадно высунули головы из воды, надеясь на добычу.

– Что за троллиная свинья! – Бьёрн уже со всей силой налегал на руль, но все напрасно. – Твоя проклятая «Свинья» несет нас на камни! – заорал он Гельду. – Я не могу с ней справиться! Я же тебе говорил: не бери чужой корабль! Она нас разобьет! Ты никогда не слушаешь! Она сама!

Гельд налегал на носовое весло и ничего не отвечал. Он тоже заметил: могучее тело корабля двигалось само собой, не туда, куда его направляли усилия весел и руля, даже не туда, куда его подгоняло ветром. Бьёрн прав: не надо было брать чужой корабль. Гельду вспомнилось, как у него на глазах, в Аскефьорде, эта самая «Свинья» стремглав понесла дружину Сёльви и Слагви к вершине фьорда, к их дому, не заботясь о том, что уместнее было бы сна-

чала поприветствовать конунга. Ему как наяву виделся задний штевень «Свиньи» с поросычьим хвостиком и жабьей мордой, что дразнила оставшихся позади высунутым языком. Делалось жутко от ощущения, что ты во власти какого-то странного существа, не человека, даже не нечисти, а корабля, вещи, деревянного, сделанного человеческими руками! С ним не договоришься!

А может... Может, дело и не в корабле. Все эти дни Гельду не давали покоя мысли о том, что он сделал. Да, он отлично выполнил поручение Торбранда конунга и может рассчитывать на прощение, награду, честь. Но на душе у него было так тошно, как будто он предал лучшего друга. Напрасно Гельд убеждал себя, что ему нет дела до фьяллей и квиттов, что он заботится о себе и имеет на это полное право. Но это была неправда. Когда он вспоминал Аскефьорд, все его обитатели казались Гельду близкими друзьями. Но когда он вспоминал усадьбу Нагорье или Речной Туман, ему казалось то же самое. Точно по пословице: что одному смерть, то другому хлеб. Ум и душа его были в смятении, рвались пополам, пытались соединить несоединимое.

И вот эта буря! Точно все злые духи Квиттинга сорвались с цепи и гонятся за ним! Или не духи? Или сами боги хотят наказать его как предателя? Хоть бы Локи заступился! В душе Гельда животный страх перед возможной смертью мешался с каким-то посторонним злобным удовлетворением: значит, так и нужно! Заслужил! А слыша изумленные и тревожные крики товарищей, он готов был казнить себя за эти мысли: его товарищи ни в чем не провинились. Холодные брызги окатывали нос корабля, Гельд был уже весь мокрый и дрожал, в душе кипели страх, растерянность и жажда найти хоть какой-нибудь выход.

На берег! Видя близкую бурю, барландцы хотели одного: выбраться на берег, что и было сейчас самым разумным. Но корабль несли мимо высокого каменистого обрыва, и вместо спасения берег грозил смертью: «Свинья» была зажата между скалами и яростью бури, как между молотом и наковальней. Вот-вот холодные руки морских великанш подхватят ее и швырнут на стену обрыва – и крепкий корабль окажется не прочнее яичной скорлупки!

Все пространство под обрывом было усеяно острыми камнями, штевень «Рогатой Свиньи» скользил над ними, чудом избегая столкновения. Подобрав бесполезные весла, барландцы только вскрикивали, когда очередной камень выскакивал из серых волн. Буря была уже близка; казалось, «Свинья» сама себе желает гибели и нипочем не позволяет людям эту гибель отклонить. Бросив попытки изменить ее путь, барландцы лишь зывали к богам. А «Свинья» неслась по серым волнам, подпрыгивая на валах, будто ее толкали морские великанши. Берег угрожающе придвинулся, и каждый с замиранием сердца ждал удара, треска дерева, означающего гибель.

И вдруг Гельд увидел отмель. Не слишком широкая, всего-то шагов в пятьдесят, отмель неожиданно выскочила из стены бурого камня. Стирая с лица брызги, Гельд успел заметить на отмели другой корабль и фигурки людей, шевелящиеся возле костра. Серый столбик дыма безжалостно пригибалось и сминалось ветром.

Он хотел крикнуть: туда, на отмель, там мы пристанем и спасемся! Нет, бесполезно – «Свинья» не слушается! Ее не остановить, не направить куда надо! Или все же...

Гельд открыл рот, но сам себя не услышал. Ветер засвистел в ушах: Гельд готов был поклясться, что стремительно идущая «Свинья» оторвалась от воды и летит над волнами, как лебедь. Нос ее сам собой развернулся к отмели. Люди не успели и сообразить, а корабль выскочил на песок и проехал вперед, так что даже задний штевень оказался на суше. Никто, кроме самого Эгира, не смог бы так его подтолкнуть. Корабль завалился на бок, люди попадали, кое-кто прямо выкатился на песок. Всю жизнь они вытаскивали корабль на берег, и впервые он сам вывез их!

И все наконец остановилось. Барландцы видели себя на суше вместе с кораблем, стремительная и неуправляемая скачка по морю осталась позади. А море ярилось совсем рядом: буря

догнала и накрыла. Дикий ветер гнал по морю валы исполинской мощи, они жадно накатывались на берег, тянули холодные языки к штевню «Свиньи», но не могли ее достать.

– Ну, что ж, надо выходить, если наш корабль захотел отдохнуть, – проговорил Гельд, едва справляясь со своим дыханием.

Ему не верилось, что уже все.

Опомнившись, барландцы посыпались с обоих бортов на песок. Оставаться во власти «Рогатой Свиньи» после того, как она выказала свой загадочный нрав, казалось даже опасным.

Только Гельд задержался. Его взгляд был прикован к штевню того, второго корабля, который лежал на песке шагах в тридцати от них, на другом конце отмели. На штевне его была вырезана крюконосная голова орла с изогнутыми коровьими рогами сверху. Точно такими же, как и те, что украшали «Рогатую Свинью». И сам корабль, узкий и длинный дреки скамей на двадцать, был похож на нее, как родной брат. Красиво вырезанные перья тянулись вдоль всего борта, на конце заднего штевня широкие перья были развернуты веером, как у орла в полете.

А по мокрому песку от «Рогатого Орла» к «Рогатой Свинье» спешил человек лет пятидесяти пяти на вид. У него было красное морщинистое лицо и полуседая-полурыжая борода, казавшаяся ржавой. Такие же волосы неровно торчали из-под войлочного колпака, а желтые глаза с морщинистого лица сияли молодым задором.

– «Свинья»! – кричал он, еще не дойдя шагов пятнадцать. – Свинка моя! Не ждал тебя увидеть! А где же два твоих одинаковых хозяина! Э, да ты под седлом у кого-то другого!

Он остановился в нескольких шагах от корабля и смотрел теперь на Гельда с явным любопытством и ожиданием.

– Здравствуй, Эгиль по прозвищу Угрюмый! – сказал Гельд и спрыгнул на песок. – Ты – тот самый человек, которого я хотел бы встретить, если бы твоя прекрасная «Свинья» дала мне хоть миг на размышление!

– Я тебя где-то видел! – уверенно определил Эгиль, без опаски подойдя и по-дружески положив Гельду руку на плечо. – Но не помню где. Я встречал столько разных людей... Знаю одно: «Свинью» я делал для сыновей Стуре-Одда из Аскефьорда. Надеюсь, ты не победил их в бою и не отнял у них корабль?

– Нет, они сами мне его одолжили по дружбе. И пусть «Свинья» сбросит меня в море, если это не так!

– Она так и сделает! – заверил его Эгиль. – Однако, пока что, я вижу, она служит тебе неплохо.

– Неплохо? – Гельд криво дернул ртом, пытаясь недоверчиво улыбнуться, но улыбка пока не получалась. – Меня зовут Гельд Подкидыш, я воспитанник Альва Попрыгуна из Стейнфьорда, из усадьбы Над Озером, – запоздало пояснил он. – Из Барланда. Тебе, конечно, виднее, хорошо ли послужил мне твой корабль. Но я бы сказал, что «Свинья» закусила удила и понесла, никого не слушая.

– А ты не видишь? – Эгиль махнул ему рукой на море, где уже ревела самая настоящая буря. Их то и дело окатывали холодные брызги, и им приходилось кричать, чтобы услышать друг друга. – Наш «Орел» тоже предпочел вылететь на сушу, хотя, признаться, мы собирались ночевать вовсе не здесь. Но, как видно, двинуться отсюда раньше утра не получится. Пошли-ка ты своих людей за дровами. – Эгиль взмахом руки указал ему едва заметную тропку, что уходила с отмели вверх по крутому берегу, к ельнику.

Пока барландцы ходили за дровами, Эгиль увел Гельда к своему кораблю. Собственно, корабль был не его, а одного слэтта. Эгиль сделал «Рогатого Орла» для него и сопровождал в первом плавании, чтобы по пути познакомить с нравом суровой птицы. И, как оказалось, не зря. Слэтты тоже были напуганы до смерти, когда «Орел» внезапно перестал повиноваться рулю и веслам и кинулся искать, где бы выбраться на берег. К счастью, с ними был

Эгиль. Он был страшно рад случаю показать несравненные качества своего изделия и объяснил, что его корабли при первых признаках далекой бури сами собой устремляются к берегу и выбирают на сухое место, сколько бы подводных камней и прочих препятствий им ни грозило. И даже если глупые люди хотят им помешать, умные творения веселого Эгиля не дадут воспрепятствовать собственному спасению.

Сидя у костра между Гельдом и слэттом, которого звали Сигвинд сын Хаука, Эгиль толковал обо всем этом многоречиво и охотно. Укрывшись от ветра за бортом «Орла», они до глубокой ночи беседовали, притом говорил в основном Эгиль.

– Видел бы ты мою «Жабу»! – твердил он Гельду и призывал слэтта в свидетели. – Скажи ему, Сигвинд! Ведь правда, лучше «Жабы» корабля нет! Знаешь, я всех моих детей люблю одинаково, но «Жабу» больше всех! Была бы у меня память получше, я бы тебе повторил стих, который в ее честь сложил Сторвальд Скальд, а уж он свое дело знает! Может кто-то скажет, что у меня странный вкус, но нельзя спрашивать отца, почему он одного ребенка любит больше других! Даже если тот и не самый красивый! А моя «Жаба» была куплена Хеймиром ярлом и подарена на свадьбу его невесте, Хельге дочери Хельги. Это теперь ее корабль, а она отпускает «Жабу» на Квиттинг собирать железо.

– А эту красавицу, – Гельд кивнул на «Свинью», – ты тоже предназначил для сбора квиттингского железа? Только даром, в виде дани?

– А почему бы и нет? – не смутившись, ответил Эгиль. Для него не было разницы между фьяллями и квиттами. – Уж наверное она послужит не хуже!

– А ты не боишься, что твои «дети» встретятся когда-нибудь в бою? – решился спросить Гельд. – Для любого отца, как говорят, это большое горе. Можно сказать, проклятье.

Вопрос был острым и, возможно, неучтивым, но для Гельда было чрезвычайно важно услышать ответ. Бродячий корабельный мастер Эгиль Угрюмый пользовался дружбой и доверием всего Морского Пути и слыл мудрым человеком. В нем была воплощена та мудрость, к которой Гельд стремился – что выше родов и племен.

– А почему я должен этого бояться? – Эгиль подвигал бровями, точно этот вопрос никогда не приходил ему в голову. – Ведь моя «Жаба» никогда не будет бодать мою «Свинку», хоть я и дал рога им обоим. А если всадники той и другой вздумают убивать друг друга, то... Конечно, меня это не порадует, но разве я могу им это запретить? Это их дело. Они воины – они дерутся. А я корабельный мастер – я строю корабли. Всякому, кто покажется мне достойным человеком, всякому, кому не жаль отдать работу моих рук, ума и сердца. Делать обязательно нужно: и руками, и умом, и сердцем. Я всегда так говорю, и не беда, если ты уже от меня это слышал. А если где-то кто-то воюет, так что же, всем остальным сложить руки и сесть среди женщин? Попросить себе прялку? Делай свое дело. Вот так я понимаю.

Гельд промолчал в ответ, примеривая эти мысли на себя, как чужую одежду. Делай свое дело. Корабельный мастер строит корабли, а торговец торгует. Он не виноват, что из проданного им железа будут выкованы мечи. Все верно. Но...

Он сам не мог понять, почему чужая мысль, при всей своей правильности, так и остается чужой. Он не мог видеть в «злом железе» только товар, а в своей поездке – только торговое дело. Он слишком глубоко вмешался в паутинистые переплетения чужих судеб. Да и можно ли иначе? Гельд знал людей, что проходили по жизни, как тени: ни к кому не привязываясь и никого к себе не привязывая, никого не задевая, не мешая и не помогая... Сам он так не умел и даже не понимал, как это иным удается. Живой человек всегда к кому-то привязан, с самого начала своей дороги. И еще привязывается по пути. Поначалу он, Гельд, был свободен от этой войны. Даже квиттинская ведьма так сказала. Тогда ему было легко. Сейчас он уже не был от нее свободен. Да разве она ему нравилась, эта дурацкая война? И как решить, на чьей он стороне? Да, он любит Эренгерду и служит Торбранду конунгу. Но разве от этой любви

к Эренгерде он почувствовал хоть каплю вражды к тем же Раму Резчику или Эйвинду Гусю? Что за глупость?

Гельд сидел на берегу среди черной зимней ночи, смотрел в огонь костра, а за гранью света разворачивалась холодная бездна, безграничная, как до создания живого мира. Голодное море, обманутое в своих ожиданиях, ревело и грохотало. Ночь и море были как два чудовища, а он, человек, между ними был мал и слаб. Сама душа его была как маленький огонь костра в этой ночной черноте.

Эгиль Угрюмый, никогда в жизни не знавший уныния, ободряюще похлопал его по плечу и пошел к «Рогатому Орлу», где на корме был раскинут кожаный шатер. Он видел, что его молодой знакомый чем-то удручен, но не вмешивался и не давал советов, о которых не просили. Он знал, что из мрака души надежнее выводят к свету тропы, которые человек находит своими собственными ногами. И это не так уж плохо, когда человек пытается найти их сам.

Глава 3

Усадьба Речной Туман еще немало дней толковала обо всех чудесах нынешней зимы: о волке-оборотне из Медного Леса, о Гельде Подкидыше, перехитрившем хозяйку Нагорья и даже Кара Колдуна, о буре, которая три дня ревела и сотрясала берега. Все сходились на том, что это не простая буря, что вызвал ее Кар, чтобы погубить барландца. После бури многие даже ходили на берег поискать обломков корабля, но то, что они нашли, никак нельзя было уверенно привязать к Гельду и его «Рогатой Свинье». Но убеждения в их печальной участи это не ослабило, и о Каре стали вспоминать с большим уважением, чем раньше. Самого Кара никто с того утра не видел, и об этом упоминали с многозначительными взглядами. Даже Рам помалкивал, хотя в другое время просто высмеял бы и Кара, и все вздорные слухи о его якобы могуществе.

Дней через десять, когда умы обитателей Речного Тумана уже поуспокоились и готовы были обратиться к более обыденным делам, незадолго до сумерек в воротах усадьбы показался незнакомый гость. Он был один и шел пешком, держа на плече большое, богато украшенное золотом копье. Несколько работников, бывших в это время во дворе, вытаращили глаза на это копье, будто оно вошло само собой, и посмотрели на его хозяина только тогда, когда он их окликнул:

– Привет вам всем, добрые люди! Как зовется эта усадьба и кто здесь живет?

– Здесь живет Эйвинд хёльд по прозвищу Гусь, – пояснил один из работников. – А усадьба зовется Речной Туман.

– А доблестный Эйвинд хёльд по прозвищу Гусь принимает гостей на ночь-другую? – осведомился пришелец.

– Принимает, – ответил с порога сам Эйвинд. – Мне нынешней зимой везет на гостей. Кто ни зайдет, тот и расскажет что-нибудь любопытное. Наверное, ты тоже из таких?

– Похоже на то, – согласился гость.

Вытянув шею, Эйвинд стал рассматривать его копье, потом его самого. Пришельцу было на вид без малого лет тридцать, и с первого взгляда становилось ясно, что за это время он повидал не меньше, чем иной за все шестьдесят. Среднего роста и довольно легкого сложения, он, однако, выглядел очень сильным, точно был отлит из какого-то живого железа. Его длинные рыжие волосы были заплетены во множество косичек, связанных сзади на шее в общий хвост, а желтые глаза смотрели твердо и остро. Он держался уверенно, точно был хозяином везде, куда ни придет. Даже Эйвинд, привыкший видеть в своих воротах незнакомцев, при взгляде на него ощутил странную робость.

Работники тоже рассматривали гостя в молчании, лица их выглядели растерянными. Что-то было не так. Один-единственный человек, в волчьей накидке и сером плаще, с золоченым копьем... Но вместе с ним во двор усадьбы вошла такая сила, что, будь у него один глаз, его немедленно приняли бы за самого Одина.

Из-за угла кладовки вышли две женщины: Ауд и Гальни. Едва глянув на незнакомца, Гальни истошно вскрикнула и без единого слова бросилась бежать. Незнакомец резко обернулся на ее крик, лицо его мигом стало жестким и настороженным.

– Оборотень! – охнул один из работников.

И тут же это слово вспыхнуло в душах всех тех, кто стоял сейчас во дворе, не исключая и хозяина. Оборотень! Еще один! Опять! Уж повадились ходить к живым людям... Уж слишком все это было похоже на недавние рассказы, еще приукрашенные пылким и праздным воображением слушателей.

– Оборотень! – яростно завопил Мод, могучий конюх, и мигом выхватил из кучи сваленного у амбара хвороста здоровую кривую корягу. – Бей оборотня!

– Бей оборотня! – завопили работники, криком стараясь заглушить собственный страх. – Навались! Бей его!

Пришелец не растерялся: едва лишь Мод успел шевельнуться, как тот уже скинул с плеча копье, ухватил его обеими руками за середину и тупым концом ловко и очень сильно ударил руку Мод с корягой. Коряга отлетела в один конец двора, задев по плечу Хюра управлятеля, Мод – в другую. Такой стремительный и точный удар показался колдовством, доказательством нечистой силы, и все во дворе завопили еще громче.

Народ сбегался со всех сторон, изо всех дверей, вооруженный чем попало. Целой тучей мужчины устремились к пришельцу, но он был среди них как золотая молния в темной туче – яркий и грозный. Безостановочно действуя то одним концом копья, то другим, он раскидывал нападающих сразу, как только они приближались на доступное расстояние. По двору летели брызги крови, женщины кричали, вопили раненые. Мод, вставший было на ноги и полезший опять, отчаянно ревел, зажимая обеими руками правый глаз; между пальцами струилась кровь, и похоже было, что отныне отважный конюх станет походить на одноглазого Отца Богов.

Сам Эйвинд хёльд, сбегавший в гридницу за мечом, попытался было подступиться к оборотню, но получил в грудь сильный удар концом древка прежде, чем сумел сделать хотя бы один выпад. И он вернулся к дому, благословляя судьбу, что в то мгновение наконечник копья был обращен в другую сторону.

Казалось, у пришельца восемь рук, как у древнего Старкада, и четыре лица, как у золоченого идольчика неведомого бога неведомых земель, что завез сюда как-то один торговец. Кто бы ни пытался подойти к пришельцу, пусть хоть десять человек разом, он видел каждого противника и каждое движение, направленное против него, и каждого успевал опередить. Два конца копья, вихрь рыжих кос, серая накидка и веселое жестокое лицо с белым оскалом зубов мелькали в куче людей, которые только мешали друг другу, и число раненых возрастало с каждым движением оборотня.

– Рам, Рам! – вопили Фрейдис хозяйка и Эйвинд. Кроме кузнеца, как видно, с оборотнем никто не справится. – Да позовите Рама! Да где же он!

Но Рама Резчика нигде не было. Довольно быстро пыл нападающих угас, они отхлынули к хозяйскому дому и там, держа перед собой разнообразное оружие, готовились защищаться. Фрейдис хозяйка пряталась за спину мужа, который держал перед собой меч, но не убегала в дом, желая посмотреть, чем же все кончится.

Суета и крики утихли, во дворе наступила тишина. Оборотень стоял посреди двора, а перед ним, вдоль стены хозяйского дома, выстроились сплошной ряд бледных лиц, перекошенных испугом и болью, и частокोल выставленных вперед клинков, палок и дубин. Один из работников держал вместо щита большую литую крышку от пивного котла. Увидев это, оборотень вдруг расхохотался, и обитатели усадьбы боязливо перевели дух.

– Ты оборотень, да? – неуверенно спросил Эйвинд хёльд.

– Я? – Пришелец весело посмотрел на него. – Много дураков я видел в жизни, но таких встречать еще не приходилось. Таких пылких и решительных дураков, что сначала бьют, а потом уже спрашивают, а надо ли было. Да был бы я оборотень, – с какой-то насмешливой и жестокой ласковостью сказал он, – я бы вас всех на клочки разорвал. Славные воины, тоже мне! Крышками от котлов воюете! Хороши же вы будете, когда сюда придут фьялли!

– Сюда не придут фьялли! – дрожащим голосом возразила Фрейдис хозяйка.

– А ты, валькирия прялки, как видно, вещая вёльва и знаешь будущее? – Пришелец с издевкой посмотрел на нее. – Не придут!

– Нас защищает Хеймир ярл! – чуть тверже возразил Эйвинд хёльд. – Как же ему нас не защищать, если мы дали ему клятвы....

– Оборотень! – повторил пришелец и опять усмехнулся. – Я не зря сюда пришел. Теперь я знаю, что тут живут одни рабы! Трусливые и продажные. Вы закопали свое оружие или подарили его слэтам, а сами сели к прялкам. Плохо же вам будет, когда придет настоящий враг!

С этими словами он вскинул на плечо свое молненозное копье, спокойно повернулся спиной ко всей толпе и пошел со двора. Облитые грязью хозяева молча смотрели ему вслед и не могли даже шевельнуться, точно скованные острым взглядом его желтых глаз, его презрительными словами, его уверенными, полными внутренней силы движениями.

Некоторое время стояла тишина, прерываемая только постаныванием раненых и возней женщин около Моа и еще двух работников с тяжелыми ранами. Потом Хюр управитель негромко охнул и протянул дрожащую руку вслед ушедшему:

– Это он!

– Кто – он? – спросило разом несколько голосов.

– Он! – повторил Хюр и оглянулся, окидывая изумленно-просветленным взглядом обращенные к нему лица. – Хёвдинг Медного Леса!

* * *

Турсдален – Великанья Долина – была каменистой, почти лишенной растительности, и поэтому смены времен года здесь замечались меньше, чем в других местах. На рыжих кремневых склонах гор, окружавших Турсдален, лишь кое-где зеленели редкие малорослые ели, как пальцами, вцепившиеся корнями в трещины скал, кое-где серебрился на камнях шершавый сизый лишайник. Шла середина «мягкого месяца»⁶, но догадаться об этом можно было только по цвету сероватого, в редких бледно-голубоватых окошках, неба да по сердитому холодному ветру. Рыжие камни, мелкие ершистые ели и трусливые сизые лишайники были неизменны. И лишь ветер, свободно меж ними гулявший и со скуки дергавший елки за продранные рукава, казался единственным здешним обитателем.

Однако, два путника, которые приближались к Великаньей долине, были уверены, что их встретят не только старчески дремлющие камни. Вторым шагал тот самый человек в сером плаще и с золоченым копьем на плече, которого обитатели усадьбы Речной Туман посчитали сначала за оборотня, а потом за хёвдинга Медного Леса. Второе удивило бы его не меньше, чем первое: Медный Лес от создания мира не имел своих хёвдингов, а сам Вигмар сын Хроара никогда не стремился к званиям, славе и даже к богатству. Нравом он был независим, самоуверен и упрям; власть над людьми его не привлекала, но и над собой он не терпел другой власти и другого суда, кроме собственной совести. Чужие дела его также не занимали, и, не случись войны, он прожил бы жизнь, зная не зная ничего, кроме своей усадьбы и своей семьи – но уж и то, и другое было бы устроено по его собственному вкусу. Но война случилась, и родной дом Вигмара, стоявший на северном рубеже Квиттингского Севера, оказался на ее пути первым.

И тогда выяснилось, что даже очень сильный человек откроет в себе неизмеримо больше сил, если путь его судьбы совпадет с судьбой всего племени. Вигмар сын Хроара был чужд мстительности. В северных горах Медного Леса он нашел себе новый дом и примирился бы с существованием фьяллей, если бы они не трогали его. Но такая опасность теперь возникла, и поэтому Вигмар Лисица отправился в путь. Почти в одиночестве шагая по диким долинам Медного Леса, он был острием копья всего племени квиттов. Но ему самому казалось, что он, как и всю жизнь, делает свое собственное дело.

Спутник его, шагавший впереди, выглядел странно. Так странно, что ему, пожалуй, не стоило бы показываться возле человеческого жилья. Он казался карликом, потому что не доставал невысокому Вигмару даже до плеча, но каким-то долговязым карликом. Тельце

⁶ т. е. февраля.

у него было тоненьким, как осинка, руки и ноги непомерно длинными и тощими, шея вытянутой и тонкой, а головка маленькой. Зато глаза были велики и кругло выпучивались. Все объясняли длинные, загнутые наружу и заостренные верхние концы ушей – спутник Вигмара был троллем. Он ловко прыгал с камня на камень, хватался руками за елки, которые еще долго после этого качались, то и дело нагибался, чтобы рассмотреть какие-то невидимые следы, что-то хватал с земли и засовывал то за пазуху, то прямо в рот.

– Вон, уже видно! – тонким, ломающимся, как и вся его фигура, голосом воскликнул он и протянул вперед руку. – Вон Пещерная гора, а вон ихняя пещера!

Вигмар кивнул. Они уже почти дошли до вершины перевала, который открывался в Великанью долину, и Пещерная гора была прямо перед ними. Не заслоненный растительностью, чернеющий лаз на рыжем отвесном склоне горы был хорошо замечен. Издалека лаз казался не таким уж большим, но по рассказам было известно, что великан Свальнир входит туда во весь своей великаний рост.

– Хотелось бы знать: великан дома? – спросил Вигмар. – А, Спэрра? Твои замечательные глаза не могут разглядеть этого отсюда?⁷

Вместо ответа тролль мигом кинулся на землю, точно срезанная былинка, и припал длинным ухом к камню. Некоторое время он слушал, потом сел и помотал головой.

– Нету великана! – объявил он.

Его бледное, сероватое лицо ходило ходуном: брови бегали вверх-вниз, глаза моргали, рот то растягивался до ушей, то сжимался. Вигмар усмехнулся: тролли с Золотого ручья были любопытны и общительны, покладисты и даже услужливы и изо всех сил старались подражать людям, с которыми им случалось общаться. Спэрра видел, что от радости люди улыбаются, от горя хмурятся; он усиленно старался подражать тому и другому, но путался и по всякому случаю корчил все рожи, какие только мог придумать.

– Хорошо, что нету! – слегка передразнил его Вигмар. – У нас не так много времени на ожидание. А странные мы с тобой, однако, гости: ждем, чтобы хозяин не пришел, а ушел... Куда это он отправился среди бела дня, хотелось бы мне знать?

– А Свальнир не боится дневного света. Он такой могучий великан! – Спэрра значительно вытаращил свои и без того вытаращенные глаза и поморгал.

Вигмар опять усмехнулся. Он взял с собой тролля в качестве проводника, но тот оказался полезен еще и другим: глядя на него, Вигмар меньше волновался из-за предстоящей встречи. Он был смелым, по-настоящему отважным человеком, с холодной головой и твердым, как железо, сердцем, но сейчас ему было слегка не по себе. Он повидал в жизни многое, он видел, как прямо на него неслась пылающая яростью валькирия с огненным мечом, но сейчас ему предстояло нечто другое. Он пришел сюда, чтобы встретиться с ведьмой. И ему требовалась дружба этой ведьмы. Про нее говорят, что родителями ее были простые люди. Но это ведь еще не значит, что она способна питать к людям хоть какие-то добрые чувства.

Собственно говоря, о ведьме Медного Леса никто ничего не знал толком. Квитты о ней даже не слыхали до тех пор, пока каменная лавина не засыпала Стюрмира конунга. Заговорили только потом, и больше всех о ней могли сообщить, как ни странно, фьялли, ее враги. Уже после в усадьбе Кремнистый Склон отыскиались родичи Фрейвида Огниво, которые знали ее с детства и могли кое-что о ней рассказать. Но они знали ее только до того, как великан Свальнир забрал ее к себе. Что с ней случилось и какой она стала, не знал никто.

– Ну, что ты уселся? Хочешь пустить корни? – Вигмар слегка ткнул Спэрру концом копейного древка. – Пошли!

⁷ Имя Спэрра означает «с выпученными глазами».

Тролль вскочил еще прежде, чем древко Поющего Жала коснулось его: странный народец до жути боялся этого копья и называл его «молния». Опасливо оглядываясь на «молнию», Спэрра опять засеменил вперед.

Когда Вигмар и Спэрра стояли на вершине перевала, черный зев пещеры смотрел прямо на них, и даже казалось, что войти в него прямо отсюда не составит труда. Но вот они спустились на дно долины, и пещера оказалась высоко над ними, и чем ближе они подходили, тем выше она возносилась. Подножие Пещерной горы было довольно пологим, и какое-то время Вигмар и Спэрра поднимались, пробираясь по рыжим и острым кремневым обломкам, притом Вигмар помогал себе нижним концом копья, а Спэрра цеплялся за камни руками, так что порою шел прямо-таки на четвереньках. Но шагов через пятьдесят они уперлись в стену: склон стал таким крутым, что двигаться дальше было невозможно. Вигмар озадаченно ткнул в мелкую трещину древком Поющего Жала: здесь требуются не человеческие ноги, а копыта горных козлов.

– Как же она туда попадает? – спросил Вигмар, имея в виду ведьму. – Или она тоже выросла и стала великаншей?

– Нет. – Спэрра на ходу так отчаянно замотал головой, что было страшно, как бы она не оторвалась с тонкой шеи. – Она туда не поднимается, потому что не спускается. Потому что великан ее сам спускает и поднимает. Он боится, что она убежит.

– А она, значит, хочет убежать?

– Не знаю. Мы ее не знаем.

– А что же она не убежит, когда бывает внизу? Ее же видели, она даже заходила в усадьбы. Я сам слышал.

– Великан ее держит даже издалека. Мы тоже так умеем, но мы держим только очень слабеньких людей, у нас тонкие веревочки. Как паутинки. – Спэрра посучил в воздухе своими тоненькими серыми пальчиками (на одной руке их было пять, а на другой шесть), точно свивал невидимую нитку. – А у великана веревка большая! – Спэрра раскинул вширь длинные руки, точно веревка великана была толщиной в три локтя, и даже для убедительности широко разинул рот. – Она хоть дракона удержит. Когда ведьма очень запоздает, великан дернет за веревку – раз, и она приходит. Уж очень он ее крепко скрутил.

– Как цепь Глейпнир, – в задумчивости пробормотал Вигмар.

Он слегка улыбался на ужимки Спэрры, но про себя думал: если ведьма настолько связана и не свободна, то много ли пользы от нее будет?

– А она сама и есть дракон, только маленький, – подумав, добавил Спэрра. – Я тебе точно говорю. Никто из наших не хотел бы с ней сцепиться.

«Я бы тоже не хотел с ней сцепиться», – подумал Вигмар. Он вообще никогда не искал драк и прочих случаев проявить свою доблесть. Его дом возле Золотого озера лежал далеко от Турсдалена, и его трудновато было бы загнать к ведьме, от которой ему ничего не надо. Но уж если вышло так, что безопасность Золотого озера зависит от пещеры в Великаньей долине, остановить Вигмара было бы не менее трудно.

Запрокинув голову, Вигмар оглядел недоступный склон и черный лаз пещеры. С близкого расстояния было видно, какой он огромный.

– Придется постучать, – решил Вигмар. – А не ответят – pošлю тебя поклониться от меня хозяевам.

Спэрра обежал Вигмара кругом, сел на землю и уже там, за спиной у человека, отважно помотал головой. Лезть в пещеру великана он совсем не хотел. Нечего и говорить, что тролли гораздо менее уязвимы, чем люди, но при встречах с настоящей опасностью упираются гораздо крепче. Человеческий дух способен вести собственное тело на явную опасность или даже на гибель, но тролли таким самоубийственным орудием, как высокий дух, к счастью для себя, не наделены.

Вигмар тем временем приблизил сияющий золотом наконечник копья к каменной стене и три раза стукнул. Тонкий и сильный звук, как горячая искра, вспыхнул от соприкосновения золоченой стали и кремня. «Золотой ручей!» – вызванивал он, и сам был как чистый дрожащий, слепящий бликами поток, струящийся по ложу из золотых самородков. «Золотой ручей!» – летело по долине, отражаясь от каждого камешка. Золотой ручей, чудо северных гор, звенел в самом сердце Медного Леса, точно родич, пришедший издалека с поклоном к полубытому предку. Проникая в камень, звон Золотого ручья покатился по всему исполинскому телу горы, и по ней побежала тонкая дрожь, как рябь по воде.

Опираясь на копьё, Вигмар внимательно слушал, как звук разлетается все дальше и дальше и наконец замирает. Вот настала тишина. Через некоторое время Вигмар хотел было постучать еще, но Спэрра у него за спиной вдруг охнул. Его серое лицо застыло: от настоящего страха он позабыл все подсмотренные ужимки. А вытянутый длинный палец самым неучтивым образом указывал на что-то наверху.

Вигмар отступил от скалы несколько шагов и тоже глянул вверх. Из мрака пещеры смотрело человеческое лицо. Так странно было видеть его в этом безлюдье, диком и молчащем, что даже у Вигмара дрожь побежала по спине. Это было лицо самой горы, темного и немного духа великаньей пещеры. У этого духа не было ничего, кроме лица.

– Эй, не ты ли хозяйка этой большой и неприступной усадьбы? – крикнул Вигмар, далеко отставив руку с копьём и опираясь нижним концом о камень. – Не ты ли жена великана по имени Свальнир? Меня зовут Вигмар Лисица, и я принес тебе поклон от Грюлы, духа Квиттингского Севера, моей покровительницы.⁸ Она, кажется, в родстве с твоим мужем? Во всяком случае, она тоже из рода великанов. А еще тебе кланяются тролли с Медного озера. Если тыпустишь меня в дом, мы найдем, о чем поговорить.

Хёрдис молчала. За все то время, что она прожила у великана, сюда впервые явился человек. Ей-то казалось, что она давно утратила способность удивляться чему бы то ни было. Чтобы человек, которого она знать не знает, пришел сам, по своей воле, да еще просится зайти в пещеру, будто это самое простое и естественное дело! Это морок, наваждение... Но кому придет в голову посылать наваждения ей? Свальнир не догадается, да и зачем ему? А кто еще в силах ее заморочить? Разве что Восточный Ворон да та самая Грюла... Уж не сама ли это Грюла, лисица из рода огненных великанов? Он рыжий... Но почему в облике мужчины?

Вигмар тоже был несколько растерян: да слышит ли она его? Как к ней обращаться? Знаток заклинаний он никогда не был и схватился за первое, что пришло в голову. Уж очень он был сейчас похож на Одина, который пришел за знанием к спящей вёльве.

Вёльва, ответь!
Я спрашивать буду,
Чтоб все мне открылось!⁹

– крикнул Вигмар, сам над собой смеясь в душе: хорош Один!

– Так, кажется? Теперь скажи мне, не напрасно ли я шел в такую даль и есть ли у тебя охота перемолвиться с живым человеком?

Премудрость Одина и здесь не обманула: застывшее лицо ведьмы ожило, правая сторона рта дрогнула и приподнялась в неуверенной усмешке. Вообразить себя на месте древней вёльвы, которую пришел будить Отец Богов – это позабавило даже Хёрдис, которая давно утратила способность забавляться.

⁸ Грюла, т. е. «страшилище, пугало» – лисица-великан, имеющая пятнадцать хвостов.

⁹ «Старшая Эдда», пер. А. Корсуна.

– Я пригласила бы тебя войти, если бы ноги у тебя были подлиннее! – крикнула она, сверху глядя в запрокинутое лицо пришельца. – А иначе тебе придется подождать, пока вернется Свальнир и забросит тебя сюда. Только имей в виду: он так неуклюж, что может поломать кости!

– Если бы ты привязала там веревку и спустила мне нижний конец, я сам бы к тебе поднялся, – ответил Вигмар. – Я не так горд и не требую, чтобы великаны носили меня на руках.

– У меня тут нет веревки.

– Зато у меня есть. – Вигмар скинул с плеч мешок и вытащил длинную корабельную веревку из тюленьих шкур. – Ты согласна ее привязать?

Хёрдис кивнула. Отвага пришельца изумляла ее. Сама она ни за что не полезла бы по веревке к незнакомой ведьме. Но Вигмар полагал, что если уж взялся за дело, то надо делать его до конца.

– Давай-ка! – Он протянул Спэрре конец веревки и кивнул на пещеру. – Полежай, и отдашь хозяйке. Она тебя не тронет.

Троль скривился и отполз назад, мотая головой. Но конец веревки снова придвинулся к нему.

– Полежай, полежай, – непреклонно велел Вигмар. – Я же говорю: она тебя не тронет.

Спэрра взял конец веревки и тихо занял. Вигмар подтолкнул его нижним концом копья. Продолжая ныть, троль взял веревку в зубы и полез по отвесной скале вверх. За что он цеплялся и как не падал, Вигмар не мог и вообразить; но он именно затем и взял с собой троля, чтобы тот пролез там, где человек не пролезет.

Нытье постепенно отдалилось вверх и исчезло. Нижний конец веревки оторвался от земли и висел теперь на половине человеческого роста, дергаясь, будто наверху происходила борьба. Потом по этой самой веревке ссыпался троль и сразу юркнул за камень. Виден был только заостренный и выгнутый наружу кончик уха, которое, казалось, говорило: а теперь полежай сам и меня больше не трогай.

Вигмар повесил копьё в петлю за плечо, подергал за конец веревки, убедился, что привязано крепко, и полез. Сомнений и страхов он не испытывал, потому что они ничего не изменили бы: надо, значит, надо. До сих пор Вигмар всегда находил в себе силы выполнить действительно нужное, так почему его источник должен иссякнуть именно теперь? Пятнадцать жизней, которые ему пообещала покровительница-Грюла, были еще далеко не исчерпаны, и одна из пятнадцати рыжих кос, отрезанная в очередную жертву, уже снова отросла.

Хёрдис стояла в трех шагах от входа в пещеру, крепко прижавшись спиной к каменной стене и почти сливаясь с ней. Невероятный гость приближался; ее сердце билось сильными, тяжелыми, почти болезненными толчками. В ее груди бился камень, ей было больно ощущать это, но она была почти счастлива, что опять, впервые за долгий срок, чувствует его биение. И это же дало ей ощутить, как далеко ушла она от живых людей. Но, может быть, этот гость принесет ей и другие перемены. Какие? Изумление и робость, любопытство и нетерпение заставляли ее дрожать, и Хёрдис прижималась к ненавистной, но привычной стене пещеры как в поисках опоры. Он пришел не просто так, он что-то принес ей. Что это? Что?

Гость влез в пещеру быстро и ловко, почти как троль. Золоченый наконечник копья у него за спиной ярко блеснул при дневном свете, и Хёрдис зажмурилась на миг, но тут же гость вошел в полумрак, и блеск погас. Теперь копьё тихо мерцало, как будто излучая свой собственный внутренний свет.

Выпрямившись, Вигмар окинул быстрым взглядом полумрак перед собой и сразу угадал в трех шагах высокую темную фигуру, прижавшуюся к стене. Заметить ее было трудно: волны темных волос окутали ее и почти слили с темнотой, только пятно лица чуть заметно серело. Хозяйка стояла неподвижно, как каменная. У Вигмара мелькнуло нелепое впечатление, будто он явился беседовать с каменным идолом чужого бога. Она – не женщина, она – дух, она –

воплощенное сердце Медного Леса. Тут нет никого живого, ему отвечали духи, морочили, заманивали...

В пещере только мрак, тишина, бездонные и беспредельные. Казалось, что пещера тянется бесконечно далеко, что прямо здесь начинается дорога в непостижимые Нижние Миры. И первый житель этих миров, их страж, их посланец, стоял в трех шагах от Вигмара.

– Вообще-то оружие в гости принято не брать, но ты уж не сердись, что я оставил при себе мое Поющее Жало – без него здесь будет темновато! – дружелюбно сказал Вигмар. – Оно не причинит вреда здесь никому, ни тебе, ни твоему мужу.

– Хотела бы я видеть то, что причинит ему вред, – ответила Хёрдис. Эти слова навели ее на новую мысль, и она внимательно осмотрела копьё. – Оно заковано? Как? Что за сила в нем?

– Оно заковано лишь на то, что не может причинить зла своему хозяину, то есть мне. А его сила – небесный огонь. Нечисть его боится. С одним зловредным мертвым оборотнем оно славно расправилось.

– А оно может причинить вред великану? – жадно спросила Хёрдис и даже шагнула вперед. – Убить его?

Вигмар не сразу нашелся с ответом. В голосе хозяйки было такое жгучее волнение, что он опешил: уж не желает ли она смерти своему мужу?

– Я пришел сюда не за этим, – сказал он наконец.

– А зачем?

Хёрдис попятилась и прижалась к стене в трех шагах от входа. Приглашать гостя дальше она, как видно, была не расположена и принимала его на пороге своих мрачных владений. Ее фигура была последним, до чего дневной свет дотягивался самым краешком, а сразу же за ее расплывчатыми очертаниями начиналась глухая, вязкая и притом упругая тьма, которая отталкивала от себя свет.

– Знаешь ли ты, что конунг квиттов Гримкель и конунг фьяллей Торбранд задумали совместный поход на Медный Лес? – сразу начал Вигмар.

Глаза из мрака внезапно сверкнули бледно-голубым светом и озарили напряженное лицо. От неожиданности Вигмар вздрогнул и на всякий случай отодвинулся от порога пещеры.

– Вот как? – глухим, отрывистым голосом воскликнула Хёрдис. – Он будет здесь?

Имя Торбранда потрясло ее, как падение камня потрясает тихую воду. Не зря она звала, ждала... Станный гость принес ей весть о том, в ком теперь заключались все ее надежды. Вот он, первый ответ на ее заклинания! То, что унес на себе ветер полнолуния, вернулось к ней со звоном Золотого ручья, и в самом сердце Хёрдис будто что-то треснуло и задрожало. Наверное, это чувствует скованная зимним холодом земля, когда ловит первый отблеск весеннего солнца. Он еще не согреет, но в нем – надежда, обещание, посланное добрым Бальдром, надежда на скорое пробуждение, на новую жизнь...

– Они оба должны быть здесь, – ответил Вигмар, не зная, кого она имеет в виду. – Они хотят подчинить себе Медный Лес и собирать с него дань. Людям, которые здесь живут, это совсем не нравится. Если уж у Медного Леса должен быть конунг, то люди скорее примирятся со своей собственной, родной ведьмой и ее мужем-великаном, чем с чужеземным конунгом, даже если он мудр, как Один, и справедлив, как Форсети. Может, мы поступаем глупо, но уж такие мы, ничего тут не поделаешь.

– Чего ты хочешь от меня?

– Не так уж много. Это будет зависеть от тебя. Если ты не хочешь, чтобы здесь правили фьялли, то ты поможешь нам их прогнать. А уж чем ты можешь помочь – это тебе виднее. Никого, я так думаю, не принудят к подвигам, которые ему не по плечу. И пусть каждый решает сам, какую пользу он может принести. Я так понимаю свободу. Первое, что нам нужно – это железо. Нам нужно оружие, чтобы биться. По всему югу Медного Леса железо отобрал Гутхорм Длинный... Ну да ты лучше меня знаешь, чем все это кончилось. Еще железо есть

возле Турсдалена. Но мы были бы дураками, если бы пытались взять его без твоего позволения. А мы, может быть, безумцы, но не дураки. Если ты позволишь нам взять это железо, то мы сделаем все, что в человеческих силах, чтобы твоя долина не увидела больше ни одного фьялля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.